ПОЭТЫ РОССИИ

Андрей Ребров

Зоркая свеча

СОЛНЫШКО ВЕЛИКОПОСТНОЕ

После Макарья
мело непрестанно.
Но распогодилось поутру вдруг:
День Обретенья главы Иоанна,
Третья седьмица
коломенских вьюг.

Солнце взошло
над Подъяческой Средней
И засияло над каланчой,
Будто в Николе,
во время обедни, –
Свет невечерний
над кроткой свечой.

Вспыхнуло солнышко
в окнах Садовой
Множеством ярких
весенних огней.
Мокнет на тоненькой кромке
ледовой
Выпавший лист
из февральских Миней.

* * *

Рождественским снегом
покрыты соборы.
И солнце играет
в родных небесах.
И кажется, будто
в глубоких затворах
Печорские старцы
творят чудеса.
И вдруг, встрепенувшись
от первого звона,
Мохнатые шапки роняют на лед
Сединами зим
убеленные кроны,
Сединами лет убеленный народ.
Метали поклоны
белицы-березы,
Склонялись и ветви,
и сотни голов,
И чудилось мне:
отступили морозы
И душу согрела
молитвенность слов.
То в храме тропарь
гулко братия пела
И отзвук его долетал из леска.
Снегами и елями
пахло в приделах,
Свечами и ладаном пахли снега.
А звоны летели
над долгим простором.
Пушистым и белым,
как Божий убрус.
И вторили им и сердца
и соборы.
И шапки роняла
притихшая Русь.

СВЯТОЧНОЕ

Блекнет день.
Исполняясь ветхим светом.
В старый сад тропа заметена.
В снежной сфере
яблоневых веток
Созревает новая луна.

На дворе – мороз,
но временами
Чудится, что в заоконной мгле
Сладко пахнут горними садами
Яблоки, не собранные нами, –
Маленькие луны на земле.

ЗАКАТНОЕ

На бугор взбежавшая дорога
Расточилась в утренней заре.
Брошенные избища убого
Меж стволов чернеют на бугре.

И влекут меня
к тем скорбным хатам
Листья палые,
подобно грудам злата,
Призрачно мерцая в полумгле...
Листья палые –
возвышенная плата
За блаженство жизни
на земле.
И, всходя по склону,
избам встречно,
Умудренный горькой их судьбой,
Верю: хоть на миг
продлит собой
Эта осень жертвенная –
Вечность...

* * *

Под небесным омофором
Зарно светятся снега.
На далеких косогорах,
Будто маковки соборов, –
Золотисты стога.

Так и ждешь, что величаво,
В лепоте былинной славы,
Вдруг взойдет из-под снегов,
Как заря былых веков,
Древлий город златоглавый.
И над вотчиной той дальней
Запустелого села,
И над всей многострадальной
Русью нынешней пасхально
Возгорятся купола,
Возгудят колокола.

* * *

Громаду туч пробьют
лучи косые...
Не заживет до полночи заря,
Горя, как рана дедовой России
Не отстоявшей храмы и Царя.
Бреду по Офицерской,
через Львиный
И дальше –
по коломенским дворам,
Где вязь лепнин
и росчерк тополиный –
Одна строка – пиитова пера.
У Мойки глажу хладные перила
А утром будто вижу яркий сон:
Крадется к шпилю
грозное светило,
Как в откровенье
явленный дракон...

г. Санкт-Петербург

Юрий Фадеев

ПО ВОЕННОЙ ДОРОГЕ ОТЦА

События, прошедшие у южных границ страны, взбудоражили мою память, заставили вспомнить разговор с отцом о Крыме, о городе русской славы, где он, Владимир Григорьевич Фадеев, капитан, командир роты, воевал, освобождая Севастополь от фашистов. Я читал об этом городе и слушал замечательные песни о нём. Интересно было узнать, почему назвали Сапун-горой знаменитую возвышенность, преграждающую подступы к Севастополю. Сапун, в переводе с тюркского, означает мыло. Гора, высотой 231 метр, богата глиной, из которой в девятнадцатом веке делали это моющее средство...

Вот что рассказывал мой отец, пехотинец, участник штурма Сапун-горы. «Очень мощную оборону создал враг: доты, дзоты, блиндажи. Любой ценой хотели фашисты удержать Севастополь. Бои шли за каждую траншею, в рукопашных схватках били врага всем что под рукой, даже рвали зубами. Сколько бойцов геройски погибло. Перед последним броском на гребень горы, меня ранило в правую ногу. Раненых несли на носилках, тащили на плащ- накидках, а кто сам полз, оставляя кровавый след. Госпитали были забиты ранеными. Измученные врачи делали всё возможное и даже больше. В операционных стойкий запах спирта, крики, мат! Санитары мешками вытаскивали отрезанные изуродованные конечности. К вечеру Сапун-гору взяли, а 9-го мая освободили Севастополь!»

Приехал я в Севастополь перед новогодними праздниками. Выходя на перрон вокзала, почувствовал невидимое воздействие каких-то сил, пронизывающих мой мозг. Может это души русских моряков и солдат встречали и смотрели с высоты на меня, не испытавшего ужасов войны. Какая-то торжественно-восторженная аура обволакивала мою душу. Жители Севастополя мне казались особенными. Лица их были радостными, приветливыми. Город готовился встречать Новый год, всюду висели праздничные гирлянды. В бухтах стояли военные красавцы-корабли и подводные лодки, тоже украшенные праздничными вымпелами. Чёрные бушлаты, бескозырки с гвардейскими ленточками бравых моряков. Среди пёстрой толпы они придавали людским потокам на улицах особый вид.

На следующий день началось знакомство с городом-героем! Иду по историческому центру (Графская пристань, памятник Затопленным кораблям, площадь Нахимова). Именно здесь появились первые здания будущего города-крепости. Для каждого жителя Севастополя это место значимое. Вся севастопольская земля полита кровью нескольких поколений. В тяжкую годину они отчаянно защищали и освобождали свою Родину. Интенсивность боёв в мае 1944 года на Сапун-горе была невероятной. Здесь поистине «плавились камни». Представьте себе, за 9 часов штурма, погибло – около 14 тыс. человек. Осматриваю здание Диорамы, Обелиск Славы, открытую экспозицию советской военной техники и часовню св. Георгия Победоносца. На склонах горы сохранены траншеи и огневые точки времён Великой Отечественной.

После экскурсии, стоя на вершине горы, подумал, а смог бы я подняться из окопа и пойти на штурм неприступной Сапун-горы? Как же было трудно и смертельно страшно штурмовать её под сплошным огнём фашистов. Я вспомнил слова отца, представил себя на его месте. Как будто наяву, увидел искажённые злобой лица фашистов, мне показалось, что я слышу смертельный, страшный рёв рукопашной. Мне виделось, как те молодые ребята, поднимаются в атаку, падают, сраженные осколками снарядов и пуль. Наши бойцы, среди них был мой отец, взяли Сапун-гору, освободили Севастополь!

Спустя 70 лет севастопольцы и жители Крыма почувствовали божественную связь времён и поколений, повторили подвиг! Провели уникальное воссоединение многонационального Крыма с Россией!

Сопоставляя времена и поколения, понимаешь, что крымчане не растеряли тот драгоценный всёпобеждающий русский дух единения и сплочённости. Я хочу, чтобы на этой героической земле, где в боях пролил кровь мой отец, восторжествовала справедливость, не было лжи и коррупции, чтобы каждый ответственно, честно относился к своим обязанностям. Чтобы с этого героического полуострова чести, достоинства, благородства началось бы распространение российского духа победителей на мою малую родину и всю Россию!

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Учитель… Что скрыто для каждого из нас в этом загадочном, таинственном слове? Учителя всегда запоминаются человеку на всю жизнь, они остаются в памяти, как след от беззаботного, навсегда ушедшего детства. Окунувшись во взрослую жизнь, мы вспоминаем тех, с кем встречались почти каждый день на протяжении многих лет. И только потом мы понимаем, сколько сделали для нас эти люди, и осознаем, что они достойны наивысших наград. Кроме своего предмета, они учат нас самой сложной науке – науке жизни.

Школа всегда была, есть и будет своеобразной подготовкой к будущей жизни. Меняется мир – меняется и школа. И только сильные педагоги-профессионалы неизменно приведут учеников к достижению определенных результатов.

Вспоминаю своих школьных учителей, удивительные они люди. В детстве я считал, что учителя, какие-то особые, из другого мира личности (наверно, так думали люди моего поколения), их уважали родители, начальники-руководители, а ученики побаивались, хотя всякое бывало. Кто-то скажет, что самый великий талант – пение, кто-то – сочинительство. Я думаю самый великий талант на земле – умение делиться знаниями с другими. Передавать, дарить их людям. И это прекрасно! Никакие технологии и электронные средства не заменят живого слова учителя, его личного примера. Я помню всех учителей, которые меня учили, но эти строки посвящаю светлой памяти учителя интересной и трудной судьбы.

Семён Иосифович Соколов, учитель труда, рисования, пения. Кроме этих предметов, он вел уроки математики, истории, русского языка и шахматный кружок. Вот такой диапазон! Мне он запомнился заботливым и строгим учителем, хотя на уроках рисования и пения нам было весело. На пении мы записывали слова песен, а Семён Иосифович, аккомпанируя на мандолине, передавал нам их мелодию. «Прикольные уроки» – так сказали бы нынешние ученики. На уроках труда в 5–7 классах мы занимались практическими делами. Семён Иосифович показывал, как изготовить черенки к домашнему инвентарю, молотки, тяпки, лопаты, вилы и прочее, как правильно их обработать и насадить. Топорище я и сейчас делаю по образцу учителя. Когда в школе появился токарный станок по дереву, первые навыки работать на нём привил Семён Иосифович. Вспоминаю, как меня хвалили мама и классная руководительница за подарки к 8 Марта. Я выточил и подарил маме веретено, учительнице – указку.

Вы сможете за несколько секунд, изобразить танк Т-34 – со звездой на башне и стреляющей пушкой? Или нарисовать портрет М. Ю. Лермонтова по клеточкам? Этому научил меня мой учитель!

В далёкие шестидесятые годы ученики шестого, седьмого классов привлекались для заготовки дров для школы. В лесосеке учитель труда с завхозом делили нас на группы – два мальчика и девочка, мы должны были напилить два кубометра дров. Семён Иосифович объяснял, как правильно держать колун, топор и отрубать сучья, как колоть чурки. Как правильно пилить, чтобы не зажимало пилу. В дальнейшем мы поняли, что это важно, так как меньше расходуется силы, безопасней и быстрей выполняется норма.

Вот ещё один эпизод из школьной жизни. Как-то в шестом классе мы на уроке физкультуры выполняли упражнения на гимнастических кольцах, подтягивались и делали висы – «согнувшись» и «прогнувшись». Урок проводился в коридоре школы, спортзала тогда не было. Семён Иосифович вышел из учительской, сел на скамейку и стал наблюдать за нами. Когда закончился урок, он подошёл к кольцам, выполнил несколько силовых упражнений, потом из упора сверху медленно стал разводить руки и принял положение – «вис крестом»! Кто был в коридоре, притихли и были поражены этой способностью учителя. А он в таком положении поворачивал голову налево, направо и улыбался широкой улыбкой. Позднее, когда я стал студентом института физкультуры, узнал, что это сложное и трудное упражнение в мировой гимнастике назвали – «Крест Азаряна» в честь советского олимпийского чемпиона – гимнаста Альберта Азаряна, который впервые показал это упражнение. Наш школьный учитель, как казалось, без особого напряжения выполнял его.

Родился Семён Иосифович в деревеньке Перво-Песьяное в 1928 году в многодетной семье, двенадцать детей родила его мама, но выжило только пятеро. Трудные испытания выпали на его долю, но самые тяжёлые это годы войны. Чтобы выжить, тринадцатилетний паренёк сапожничал, ремонтировал мелкий домашний инвентарь, собирал на озере утиные яйца. Потом четыре года учился в Ишимском педучилище, в 1952 году началась его трудовая деятельность на учительском поприще. В четырёх школах района учительствовал Семён Иосифович. В пятьдесят четвёртом году его сердце покорила выпускница Тюменского медучилища Анна Андреевна. Создали семью, построили дом, вырастили троих детей, вели, как и все сельские жители, хозяйство. Семён Иосифович виртуозно водил «Запорожец», рыбачил, охотничал, отстраивал дом и подсобные помещения. На свой полувековой юбилей он сделал подарок, закончил Ишимский пединститут по специальности – русский язык и литература! Казалось бы, зачем мужчине, на склоне лет учиться на самом трудном факультете? Но такой уж характер и судьба у Семёна Иосифовича, он всегда всё делал сам и добивался цели, преодолевая преграду, даже ту, которую изобразил ему несчастный случай, сделавший его инвалидом в раннем детстве. Но он никогда не жаловался, на свои ограниченные возможности и делал всё, как здоровые мужчины и даже более того!

Много лет мне довелось работать в одном коллективе с этим мужественным человеком, с четырёх лет обречённого пользоваться костылями, но глядя на его действия, целеустремлённые поступки с трудом осознавал, что он инвалид.

Нет с нами благородного грамотного учителя, но проходя по улице мимо дома Семёна Иосифовича, я всегда вспоминаю его негромкий доброжелательный голос, его вежливое приветствие и крепкое пожатие сильной широкой ладони.

МОЙ ДИРЕКТОР

ОН, стройный, с волнистой шевелюрой, голубоглазый, в элегантном костюме, в гармонию подобранными сорочкой, галстуком, носками и обувью. Да, девчонки влюблялись в своего учителя и это естественно в юности. ОН обладает негромким голосом, красивыми жестами, грамотной убедительной речью, воздействующей на любую аудиторию. Он мой директор, при нём я учился в школе, а после окончания армейской службы был принят в штат школы в качестве учителя физкультуры и военрука. Годы его работы в Окунёвской школе, многие кто постарше, считают эпохой Петра. Вспоминая школьные годы, в беседах употребляют выражения – до Петра, при Петре. До Петра школа наша была семилетней, при Петре стала средней. В Окунёвской школе были и оппоненты Петра Ивановича. ОН несмотря ни на что, выстраивал уникальный коллектив, принимая на работу учительские семейные пары, или способствовал созданию их. Семь таких пар учительствовали при Петре в Окунёвской школе. Ученическое самоуправление впервые в районе внедрено и обкатано в нашей школе, хор учителей – лауреат смотров-конкурсов, производственная бригада, сильнейшие спортсмены-победители, лучшая пионерская дружина, всё это при Петре. ОН был лучшим лектором-международником в районе. На планёрках и педсоветах при нём стало традицией проводить политинформации о событиях в районе, стране и мире. ОН постоянно подчёркивал, что учитель не должен замыкаться только на своём предмете, а мыслить более разносторонне, этим поднимая планку своего авторитета. При Петре ежегодно школьники и учителя на всех каникулах ездили по туристическим путёвкам по стране. Он считал, что посещая города, бывая в музеях и на выставках, общаясь с разными людьми, учитель и ученик обогащаются в духовно-нравственном плане, а это дорогого стоит. Его уроки-лекции по истории увлекательны и интересны. ОН умело увязывает учебный материал с реально увиденной и услышанной информацией во время посещения им разных городов и стран мира. ОН объездил десятки городов нашей страны, побывал в странах восточной и западной Европы, а ещё, Пётр Иванович служил в Китае. ОН обожает классическую музыку, ездит в Москву к своим любимым дочерям, посещает столичныё театры. ОН отличник просвещения, он сторонник физической культуры и спорта и я, как учитель физкультуры, чувствовал ЕГО поддержку, заботу, как директора и позднее, как заведующего РОНО.

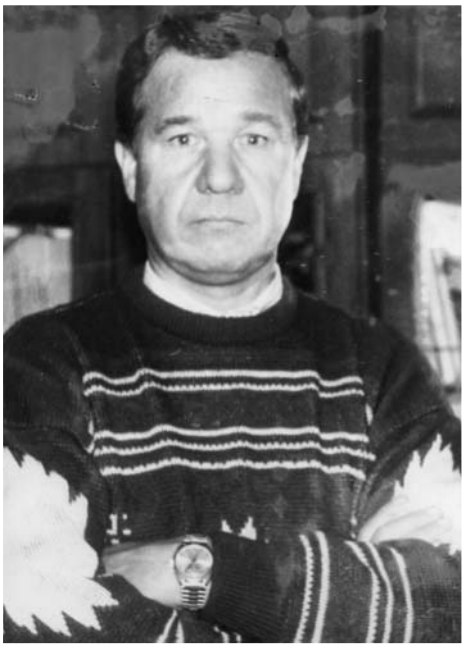
Как-то при встрече, будучи на пенсии, ОН рассказал мне, что в молодые годы тяжело заболел, победить недуг ему помогла физкультура. С тех пор ОН не расстается с ней, для сохранения и подержания работоспособности организма, за основу взял советы профессора Н.М. Амосова. С годами у НЕГО появилась своя система для сопротивления старению, испытанная на себе. ОН читает лекции о ЗОЖ в санаториях и пансионатах, где отдыхает. ЕГО тезисы: «Человек чаще всего болеет от лени и жадности, иногда от неразумности. Для здоровья необходимы четыре условия: физические нагрузки, ограничения в еде, закаливание, умение отдыхать. И ещё пятое – счастливая жизнь!

ОН всегда восторженно повторяет: «Я счастливый человек! Я не болею завистью, не стремлюсь к обогащению, моё богатство это дети, внуки и правнуки. Я познаю жизнь через общение с творческими людьми, через искусство, культуру!» В свои восемьдесят три, он не потерял стимулы, чтобы напрягаться, терпеть режим, даже голодать. Как вам это удаётся, спрашивают его? «Я СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК!» – восклицает ОН. Думаю, что многие его ученики подпишутся под словами: «Мой учитель, самый лучший учитель в мире!»

с. Окунёво, Бердюжский район

Габдель Махмут

НУРКА, ИЛИ УРОКИ ДЕТСТВА



Вот, говорят, школа…

Говорят, среда людская воспитывает…

А я бы добавил: не меньше нам дает природа родины, ароматы ее воздуха, светлые родники ее добро дарящие, откуда черпается атмосфера добросердечности твоих земляков: взаимопонимания, взаимовыручки, взаимотерпимости, какие вложила природа на родине с давних пор. Они, в совокупности, и воспитывают личность. Где мы получали первые уроки чести, достоинства, у кого мы учились правде, стойкости, где закалились духовно и телесно, набирались ума, познания окружающего? На родине малой, у окружения, у земляков своих.

Какая природа, такой характер складывается у людей.

И у тебя, конечно же…

Деревня – моя родина малая, ностальгически притягательная – носила красивое русское имя-название Митькино. Это вам никак не Ослино или Слепышиха, и даже не Мечатное или Курманаки какие-то безликие, что предшествовали нашему Митькино после райцентра. А ведь имена же обязывают! Вот и канули те деревни с ни о чем не говорившими названиями – жители изменили им, покинули. А Митькино не просто стоит, выживает, а расширяется домами, обрастает именами, богатеет! А славу о красоте и богатстве даров и дворов его разносит по свету всяко митькинское чадо!..

Моя школа детства связана с несколькими местами и именами митькинскими. Я очень благодарен этим урокам деревни моей, ибо, не будь этого, или же будь они другими, я бы сам стал совсем не тем, кем стал, и кто знает, может быть, и не было бы повода хоть чуточку да гордиться своими сынами, делами, и вообще, кем стал в жизни…

В пору моего детства деревня моя была интернациональна по своему составу, так как находилась на смычке между русскими, от райцентра до нашей, и татарскими, шедшими далее, селеньями. Татарская часть населения называла деревню по-своему – ласково и коротко – Меткэ. Что звучит почти как уменьшительное русское имя Митька, однако, русские земляки именовать деревню ласкательно Митькой почему-то не стали, ведь Митькино же. А могли бы, потому что в самом деле, пусть и невелика, но в урманом своем наряде умопомрачительно красива и мила, как говорят о невесте, была наша деревушка. Укоротили ей имя татары, сами о том не думая. А название Меткэ никак не переводилось ни на татарский, ни на русский. Вот взял кто-то и истолковал так на свой лад, и принялось всеми, как само разумеющееся.

По милости божьей Митькино наше располагалось в одном из живописнейших уголков Западной Сибири, в ста верстах на восток от Тобольска. Мы жили в окружении богато смешанного сибирского леса. С запада и с севера деревня была в объятии белобоких березовых рощ, через которые мои земляки в зимнее время прорывались к Иртышу, так как летом не пускали болота. С юга и востока деревня была под прикрытием дремучей и величавой кедровой тайги, казавшейся таинственной и грозной, так как через нее никуда никаких дорог не было. Не считая звериных троп, по которым мои земляки ходили к излюбленным с давних пор озерам на охоту и рыбалку; да и по клюкву, голубику, чернику на затаежную заболоть. В лесных пограничных зонах была настоящая природная мешанина: как-бы соревнуясь меж собой, здесь тянулись к небу, чуть ли не касаясь солнца, густые осинники, высоченные сосновые рощи, те же кедрачи сорокаметровые в три-четыре обхвата, и еще выше ростом толклись к ним пихтовые перелески, ельники. Иногда все это разнообразие было в изобилье в каком-то одном месте возле деревни.

И как бы с трудом пробиваясь сквозь эту дремучую чащобу, петляла меж лесов наша кормилица река Агитка, по берегам которой, клонясь к реке, богато цвела черемуха, малина, смородина красная и черная, рябина, боярышник, плоды которых мы набирали, бывало, прямо с лодок. Река Агитка, как и могучий Иртыш, носит татарское имя, состоящее из двусложного «Ак эт», которое, если произносить несколько раз кряду, так и будет звучать – Агыт. По-русски должно было бы называться Агит, но стали нарекать Агитка. Видать, зачинателям, первым русским жителям этих мест, пришедшим вослед татарам, показалось, что для их слуху так будет приятней. Для родной природы народ не мог придумывать грозные имена. А ведь действительно ласковое имя Агитка. «Ак эт» по-татарски означает «Белая собака». Белая собака ли, или Белый волк, как потом прознали потомки, оказывается, были в древности тотемическими знаками сибирских татар, их языческими символами, во как! Как у волжских татар таковым был Ак барс. Не зря в татарских сказках мудрым и храбрым попутчиком главному персонажу-батыру становится Белый волк. По божественному животному назвали реку-то наши древние соплеменники, выходцы с алтайских предгорий! Наверное, в надежде, чтобы так же была она подмогой им в повседневной жизни…

Агитка тихо втекала в Митькино с восточной стороны деревни. И тут же, словно заторопившись вдруг, невзначай ускоряя свое тихое до сих мест течение, делала быстрый зигзаг, похожий на коромысло, дугой задевая основную, большую часть деревни на правом высоком берегу. Поэтому в деревенской части Агитки никогда не задерживались сорняки какие-либо, и водоросли всякие речные там не произрастали. Так она разделяла деревню на две красивые половины, сверху смотревшиеся, наверное, как два полумесяца – одна как Луна растущая, другая же – как Луна стареющая.

Агитка все времена года была главным местом наших забав – и зимой, и летом. Она же поила-кормила всю деревню. Причем, воды Агитки потребляют до сих пор в любом виде – кипяченом, сыром, в виде льда зимой. И никто ни разу не ловил там заразы, никогда не болел от нее. Река же учила нас, юную поросль, плавать и нырять, управлять долбленками, кататься на коньках, ловить щуку и линя, гонять ондатру, тягать тяжелый паром бревенчатый, когда она разольется весной и унесет мост…

В перелесках и на опушке этих лесов, сразу за околицей близ Агитки были наши игровые поляны, ведь последние дома толклись под самый бок этого урмана. Что было удобно и для взрослых, и для детворы – недалеко для родительского пригляда, и большой простор ребятне для самостоятельной жизни в играх и забавах детских. Здесь мы играли в чапаевцев, казаков-разбойников, в робингудовцев, и здесь же мы получали свои первые навыки работы с топором и ножом, мастеря себе удочки, луки, самострелы, дубинки, копья, мечи и сабли, свистульки и дудочки, пистолеты-пугачи – кто во что горазд. Сюда же учитель водил нас на уроки природоведения…

Все мне было мило на моей родине: и природа, и земля, и люди. Здесь все для человека сотворено. Поэтому ценили это и сами сибиряки, жили дружно, весело. Сам народ здешний был щедрым, добрым, гостеприимным, как и окружающие нас леса.

Но чего только в жизни не бывает…

Однако, хорошего всегда ведь больше.

Тем не менее, хочется рассказать о некотором исключении из этого правила, пустячном, можно сказать.

Потому что ничто в жизни не случается зря…

ПЕРВЫЕ УРОКИ ПЕРВЫХ ДРУЗЕЙ

Мы жили во внутреннем круге, образованном рекой Агиткой, в русской половине деревни, которую меж собой называли Аръяк, по-русски означавшей Зарека. Но чаще свою половину мы именовали Искрой. Название это закрепилось с тех пор, когда в первые годы советской власти здесь, на левом берегу Агитки-реки, была организована коммуна с этим ленинским названием. С наступлением новой жизни русские семьи постепенно стали переезжать в райцентр Вагай. Заброшенные ими места заполнялись укоренившимися здесь, расширяющимися семьями татар основной части деревни.

По всему, сельсовет выделил один из опустевших участков, и отец в этой Искре отстроил наш собственный дом. Как только я выкатил со двора первый свой самокат, вернее самокатный обод без спиц, толкая палкой, друзьями у меня стали искровские русские парнишки и мой сосед Фаниль Кабиров, с которым наши дома располагались через огороды.

Кабировы давно жили в Искре, поэтому Фаниль русский язык как орехи щелкал. Первое время он часто разыгрывал меня, чем ставил до обиды в неловкое положение.

Как-то вышли кататься на его лыжах, а из-под горы навстречу поднимается вся раскрасневшаяся искровская девочка Света Бабичева. Фаниль как-то таинственно подговаривает меня заговорить с ней, шепчет:

– Как поднимется, я покачу вниз, а ты расспроси, нет ли у нее «посегарит»ь чего. Так и спроси: есть у тебя...., дай «посегарить». Запомнил?…

Ну, не будь я дураком, красивая девочка приглянулась очень, есть повод задружить. Как только Фаниль укатил по проторенному ею следу, прямо так и спрашиваю у нее, понимая, что Фаниль хочет узнать насчет сигарет, ну, в смысле покурить, повторяю слово в слово, как он велел:

– Светк, есь у тибе…, дай «посигерить»…

– Дурак! – твердо установила она. Неожиданно для меня, вдруг заплакала и, рукавичкой утирая слезы, покатившиеся ручьем из ее больших голубых глаз, скинула лыжи с валенок, на грудь мне кинула палки, и с ревом помчалась домой…

Но ближе всех соседями нам оказалась семья Сазановых, жившие через дорогу напротив. Ванька Сазанов был большой выдумщик всевозможных детских игр – коли заиграешься с ним, то не замечаешь, как летит время, поэтому ни Фаниль, ни я не помышляли о необходимости бегать на игры с татарскими ребятами правобережной половины деревни. И первое мое близкое знакомство с митькинским сверстником произошло во дворе у Кабировых. Это случилось, как нечто из ряда вон, поэтому врезалось в память на всю жизнь.

Наша троица – Ванек, Фаниль и я – порыскали по всей Искре, приволокли пустые ящики, и соорудили из них грузовичок. Большой ящик поставили на два чурбака, получился кузов на колесах; спереди к ней «на попа» приставили другой, стала настоящая кабинка, внутрь нее поместили сидушкой ящичек поменьше; спереди к ним пристроили ящик вверх дном, он стал носовой частью машины. Ванька где-то достал колесико от детского велика, вдел на палку и вколол в грунт спереди водительского места. Справа рядом воткнули другую палку, чем не рычаг скоростей?! У троицы получился грузовичок, лучше не сыщешь – ни у кого во всем Митькино такой машины отродясь не было, это как пить дать. Стали на ней «ездить», за руль – по очереди. Только гул «машинный» раздавался окрест: вржж, вгжжж, гррр…

В самый разгар, когда Ваня, посадив нас двоих на кузов, только что набрал было пятую скорость, вдруг нарисовался кто-то четвертый, что-то там бормочет рядом. Поворачиваемся, стоит Нурка, плюется, цвиркая сквозь зубы. До школы, можно сказать, с Нуркой я почти не встречался. Знал, что есть такой мальчик, и все. Близко общаться, играть с ним как-то не приходилось. Он, наверное, тоже хотел бы поездить с нами на такой машине.

Ванек резко «тормознул» наш грузовичок, нехотя вышел из кабины, строго спрашивает у того по-татарски:

– Нимэ керек? – то есть, чего, мол, тебе!?

– А ничего, – деловито цвиркнув слюной, отвечает тот. – Проходил мимо, услышал, как вы тут гудите на всю деревню…

– Ну и топай своей дорогой, – возмутился на это наш друг.

Тому такой тон, каким начал Ваня, видно, не понравился, отвечает с вызовом:

– А китмэсэм? – что значит, а если не пойду!?..

– Еще как пойдешь! – сказал Ванек и, как обычно в таких случаях, не долго думая, схватил Нурку за плечи, развернул в сторону Митькино, и двинул коленом по копчику, да, вдогонок, добавил ногой под зад.

Нурка чуть было не полетел носом вперед, но удержался.

Тем не менее, ничего на это не ответил, хотя видно было – как через силу перетерпел он ужасную боль. Полуобернувшись, грозно окинул взглядом всю троицу, смачно сплюнул и, угрюмый, двинул в строну Зареки. Мы поняли, очень это обидело нашего ровесника митькинского.

И как вышло – Нурка проглотил обиду далеко и надолго.

Это было еще до школы.

УРОКИ ОТ НУРКИ

В школе Нурка учился неважно с первого года. Никак не ладилось у него с чтением, и вовсе не дружил он со стихотворениями, какие задавал наш первый учитель Назимабый Баязитов. Особенно на русском. Я по-русски говорил сносно, так как к тому времени жил в Искре нашей уже второй год. Хотя русские ровесники знали хорошо наш сибирско-татарский язык, но меж собой чаще говорили по-русски, вот я и наловчился, не почувствовав даже, когда это легко пошло у меня.

К школе мой русский оказался на голову выше, чем у одноклашек. Но хуже всех дело было у Нурки. Как только поднимали его, весь краснел как рак. И если выпалит чего, то хоть стой, хоть падай – все покатываются со смеху. Мало, что плохо произносил слова, а еще и смешно переставлял местами целые строки стихотворения. Ведь с кем не бывает, кто-то забывал целую строфу, кто-то строчку лишь, но умели остановиться вовремя. А этот продолжал шпарить, как ни в чем не бывало:

«Лублю грозу… вначали май, вот…

Всегда весна первый… этот, как его, гром.

В небе грохчет голубой, когды трезвый…

Он так играит… резко, вот…»

Мы уже на середине его декламации ржали, как жеребцы.

А Нурка заканчивал свою фантазию на тему стиха тем, что исподлобья сурово окинет взглядом всех нас, не в меру смешливых, тут же пригрозит снизу парты кулаком, дескать, я вам посмеюсь еще…

После того случая у нашего грузовика, Нурка затаил всю свою злобу и отместку, будто на одного меня, однокашника. Ванька учился в русской школе в соседнем Домнино, появлялся дома лишь на выходные и каникулы. Притом, он и Фаниль были старше на целый год, а это большая разница в том нашем возрасте. Вот я остался один виновником Нуркиного позора из той троицы. Какие бы игры ни увлекали нас, отныне он всегда искал, чем меня защемить. Играя в лапту, он обязательно шел в команду противников. А завладев мячом, среди разбегающихся, метил обязательно в меня, и со всей силы старался попасть мне по лицу. И ведь частенько мне не удавалось увернуться от его метких ударов.

Зная эту его цель, я по-своему пытался обеспечить себя защитой. Так, поиграв с Дамиром, сыном нашего учителя, незаметно прихватил железный пистолетик, недавно подаренный ему братом-студентом. Вскоре Нурка поймал меня на реке среди катающихся на коньках. В многодетной семье Шавалеевых, видать, было не до коньков и лыж. Но Нурка никогда не выказывал свою нужду в чем-то, включался в игру рядом. Тут стал кидаться в меня снегом. Я подкатил и, вынув из кармана пистолет, щелкающий искристой серой на бумажной ленте, пригрозил, дескать, еще раз кинешь, пульну в глаз тебе. И ведь поверил и отстал, не знаючи, чем там пуляет пистолет, отсвечивая всамделишной искрой. На другой день пистолет, конечно же, был возвращен владельцу – он свое сделал. Но совесть еще долго грызла меня за это первое воровство…

Перед весной годовалую мою сестренку мать оторвала от груди.

И как в божье наказанье, незнамо за что, к моему несчастью тоже, вдруг ояловела корова наша, и перестала давать молока.

И вот однажды я возвращаюсь в Искру домой с полной миской молока для сестренки. Мои сверстники собрались у проруби возле моста – опрокинув свои деревянные санки, дружно счищают полозья. Кто-то обливал полозья струйкой воды из бутылки до схватывания ледяной корки, чтобы лучше скользили. Заметив меня, родственник Таир Кабаев позвал вернуться быстрей, сказал, сейчас будем соревноваться, кто дальше скатится – завклубом обещал призы победителю.

Из этой толпы отделилась чья-то фигура, нырнула под мост, и вышла с противоположного его конца, опередив меня. Это был Нурка. Он ловко вскарабкался на горку, вышел навстречу. Я тоже побежал было, увидя, что лезет на мост ненавидящий меня Нурка, чутьем угадав его замысел, но миска не позволила понестись с такой же, как противник, прытью. Он опередил-таки. Стали друг против друга, насупились, как два неоперившихся петушка.

– Ну че, цукынган, вернешься тягаться-то? – было его первое слово. Конечно же, примерочное, как я себя покажу. Сам смотрит на меня исподлобья и, как всегда в такие моменты, цвиркнув слюной, процедил сквозь зубы. – А то не пущу …

Мне можно было ответить, мол, а кто ты такой, чтоб задерживать, и так препираться, авось, как-то увернулся б от назревавшей драки. А можно было оскорбиться на «цукынган», ведь у нас в роду не было крещеных, и полезть тут же в драку, пока он не ожидал от меня такой прыти. Первый, когда силы равны, обычно оказывается сверху. Цукынганом, то есть крещенным, митькинские сверстники обзывали меня из-за того, что дружу в Искре с русскими ребятами. А я молчал, думая, видит же, что я не на прогулку вышел, возвращаюсь с поручением родителей. А молчание – оно ведь тоже ответ по-своему. Нурку это вывело из терпения.

Ничего не добавив к сказанному, он ловко развернул меня, как в тот раз Ванек его самого, и легонько пнул под зад. Видя, что я не вовлекаюсь в такую его забаву, добавил посильнее. Снова повернувшись к нему лицом, я стал пятиться, скрыв бидон за спиной. Он не унимается, видать, вошел в азарт, и начал пинать безответного меня по бедрам: справа-слева, справа-слева. Всякому терпенью приходит конец. А меня такая подлость Нурки вовсе вывела из себя:

– Ну, ты достал меня, Вша-валеев! – крикнул я в лицо ему самое обидное для его фамилии оскорбление, с давних пор закрепившееся в Митькино за Шавалеевыми, и, не помня себя, вдруг шандарахнул его по башке бидоном с молоком.

Остальное я помню смутно, видел, что удар пришелся по треуху на голове, молоком обрызгало ему лицо, фуфайку сверху донизу, на секунду Нурка качнулся, стал валиться набок, я побежал домой…

Этот казус остался бы между нами, детьми, если б не молоко. Мать, когда увидела меня обрызганного молоком и, расспросив, отчего я вернулся домой с полупустым бидоном, шлепнула самого по темечку: «Э-эй, недотепа!».

Когда позже узнал об этом Ванек, сказал:

– Ну не будь же ты тюхтей. Пиннанул бы этого вшивца Нурку меж ног, делов-то. Забыл бы насовсем, как ногами дрыгать. А лучше бить первым, раз не уйти от драчки никак...

Наутро мать пожаловалась председателю колхоза. Что его работник, колхозный в конюшне сторож Шавалеев, может быть, и был героем на войне, однако сейчас он умеет только клепать детей, в воспитании их ничего не смыслит. Ну и всыпал же отец Нурке после этого. Одним словом, Нурка взъелся на меня хуже прежнего.

Хоть я и был примерным учеником, но тоже был с норовом мальчик. Обидно же получать незаслуженные тумаки, не отвесив в ответ, чтоб остановить это преследование навсегда. Такая думка меня сверлила постоянно. И вот как-то после школы догнал Нурку, сказал, что мне сегодня в их сторону. Школа наша располагалась на правом краю деревни, если смотреть от реки. Поэтому большинство школьников ходили в школу по нагорью, проторив свою тропу мимо общественных строений, за которыми были ребячьи места для катаний на санках, лыжах, удобные для игр и наших потасовок в деревне, ну и старшим не видно. Идем и, как ни в чем ни бывало, разговариваем о заданных на завтра уроках. Мимо остались клуб, здание конторы сельпо, а за медпунктом спускалась тропа к Агитке, в сторону моей Искры, которую я не хотел пропускать. Повернулся к Нурке, шедшему сзади меня, и со словами: «На! Получай за все свои напраслины ко мне!» – резко огрел его полным ранцем своим по корпусу. Он на миг ошалел от такой резкой вдруг перемены во мне. Но устоял. Нурка хоть и не ожидал, однако же, не растерялся, бросил под ноги видавший виды свой наследный портфель, засобирался пустить в ход кулаки и ноги, но я уже оседлал свой ранец и покатил под гору.

Вопреки ожиданию, Нурка не пустился вдогонку…

Еще одна история не стирается из памяти, хотя мне вовсе не перепало тогда от Нуркиной затеи. Мой сосед по парте, дальний родственник Таир Кабаев выдал по секрету, что Нурка собирает банду против меня, и после перемены хочет устроить дуэль со мной. Если не победит, один кто-то должен будет сильно толкнуть его на меня, чтобы он свалился сверху.

На переменке я сходил вниз, где жила семья учителя. Примерный учительский наследник Дамир в такие наши потасов-

ки ребячьи не встревал, поэтому я смело доверился ему. Он откуда-то из глубины большого шкафа извлек ремень саквояжный, выкрутил ручку, наказал, чтобы назавтра вернул. Она как раз поместилась во внутренний карман моего пальто. И я, будто не знающий ни о чем подозрительном человек, со всеми нахохотался над очередной нуркиной декламацией об «Авроре» и революционных матросах, терпеливо высидел до конца уроков.

Не стал я торопиться уходить с последним звонком, как бывало обычно, чтоб не сойтись с Нуркой по пути. Не спеша оделся, поболтал с Дамиром о том, о сем, и если вдруг, паче чаяния, буду избит. И другой тропой, кружной, двинул домой, какой ходили на работу пекарихи через Агитку, как только креп лед на реке.

Я не боялся стычек с Нуркой, если сходились один на один, так как все годы рос справнее в теле, чем однокашки. Но когда увидел, как целая свора, человек пять одноклассников, в ком не подозревал такого предательства, показалась из-за конюшни, ноги мои сами запросились в бег. Они сторожили меня на обычной моей тропе, ведущей от школы к мосту мимо колхозной конюшни под горой, а тут увидели, как я показался из-за околицы, помчались наперерез по окрепшему к весне насту. Но не ожидали, что снег сегодня будет союзником мне. То один, то другой проваливался, лез, бежал, снова тонул, обманутый припорошенным снегом без тверди наста под ним. Когда я убедился, что ничего у Нурки сегодня не вышло, извлек из кармана свое оружие защитное, помахал им издали Нурке, крикнул:

– Видал, чем бы я тебя накормил, если б догнали? Теперь тони, вша вонючая, вместе с холуями своими!..

Может быть, не один я знал о секретной интрижке Нурки. То ли кто-то нашептал учителю, то ли случайно Назим абый увидел банду из окна второго этажа? Он послал Дамира за ними. А наутро вся деревня знала, что Нурка сколотил банду против отличника, активиста деревенской самодеятельности, и незнамо за что хотел устроить взбучку. Все они были задержаны учителем, пока каждого не забрал кто-то из родителей, попутно получив нравоучительное, позорное для них, наставление учительское об упущении в воспитании…

По всему, школу Нурка считал делом несерьезным. И с каждым годом все больше увиливал от занятий. Как только растает снег, он старался в классе больше не появляться. Ведь один из родственников у него был единственным на всю деревню колхозным трактористом. Лови Нурку там.

В третьем классе весной, в день рождения Ленина нас принимали в пионеры. Мероприятие предстояло торжественное, с участием завклубом, при председателе сельсовета, поэтому Назим абый до линейки поручил мне сбегать за отсутствующим Нуркой. Узнать, вдруг он прихворнул, на дворе же весна. Дома Нурки не оказалось, но сестренка выдала, где он. Я нашел его возле заправки за деревней.

Нурка был под трактором на замасленной кошмовой подстилке, кричал дядьке своему, копошившемуся в моторе: «Двадцать второй накидной!» Тот подал ему необходимый ключ, сам склонился с этой стороны, видать, вдвоем докручивали какой-то длинный болт. Долго я наблюдал за этим деловитым занятием Нурки, внутренне завидуя его познаниям в технике. Он к тому времени назубок знал, какую нумерацию имел каждый ключ, навскидку определял, какой номер из них необходим для гайки, и какие другие инструменты имеются в арсенале тракториста, знал все места смазок в двигателе, колесах-шестеренках, сам забивал их из пистолета густым чем-то, вонючим, по виду похожим на повидло. А смазки эти были разные, назывались как-то загадочно – автол, нигрол, солидол. Отлично ориентировался он, для чего в тракторе пускач, динамо-магнето, радиатор, вентилятор. И что гусеничное звено называется трак, отсюда сам трактор назван, я тоже узнал от Нурки. При таком деле была ему нужда в каком-то чистописании чистоплюйском?!

Услышав мой призывный голос, Нурка из-под трактора накрыл меня и весь класс вместе с учителем трехэтажным матом и послал по-взрослому, куда Макар телят не гонял…

АБЫЙ

…Не знаю как в других местах, но в наших таежных краях учитель всегда был особо почитаемой народом фигурой. По крайней мере, так оно было в пору, когда за первые школьные парты сели родители наших родителей. И даже много позже, когда их места заняли мы...

Школы у нас появились сравнительно недавно, во времена, когда в Сибири развернулись объявленные советской властью ликбезы. Вернее будет сказать, сначала появился учитель, а уж потом открылся класс в бывшем кулацком двухэтажном доме на высоком берегу Агитки.

Первыми учителями в сибирских селах стали посланцы с берегов Волги. Они говорили на едва понятном для местного люду языке, таком, который был в песнях и книгах. Значит, пришел сюда уважаемый народом язык. В нашем Митькино об этом авторитетно пояснил всем, поскитавшийся по свету еще во времена Русско-Японской войны, старик Зиннатулла:

– Это, знамо дело, културной язык, эйе. Наш сибирский тоже не плох, конечно, а как же! – сказал он, многозначительно ткнув в небо своей курительной трубкой, будто призывая в свидетели всех царей небесных, – Но казанский – это книжный язык, эйе. Теперича, стало быть, и молодежь его будет знать. Так что подмогнем учителю!…

После таких убедительных слов уважаемого в деревне аксакала, народ поцокал языком, покивал головой, надо же, вона как дела-то оборачиваются у советской власти! Стало быть, времена в самом деле меняются, может, так оно и надо. А чему быть, того не миновать, как говорится, поперек власти не попрешь ведь, какая бы она там ни была. Тем более, когда обещают, что в школе этой будут не только письму и чтению учить, но и наукам всяким. И даже русские книги там дети научатся читать…

Наутро все погнали своих переростков в первый класс.

И вот с тех пор любого учителя в наших краях стали звать-величать не иначе, как «абый», по-казански, вкладывая в это обращение все свое уважение, ведь само оно тоже из пришлых, казанских, как и первый учитель. Отныне слово «абый» земеняло у селян самое почтительное слово «мугаллим», то есть «учитель», «ученый», или «грамотный человек». До сих пор слово «абый» у нас не было в ходу.

Сибирские татары к старшему люду обращаются «акя», или «ака», кто как напишет. Или же приставляя его к имени, когда знают, как то: Закир-ака, Сабир-ака... Для татар это означает старший и по возрасту, и по должности люд: старший собственный брат ли, знакомый, малознакомый дядька, или начальствующий какой-либо человек, либо любой другой посторонний из старших. Если не знаешь имени, обратись к нему «акя», и не ошибешься, и даже наоборот, заслужишь ответного уважительного к себе отношения.

И очень удобно, кстати. Это не безликое и отстраненное «товарищ» какое-то. А вот незнакомых русских людей, когда не знают, как обратиться, мои земляки до сих пор окликают безличным словом «знакум». Ну не скажешь же ему: «Драстуй, ака!»… Тем более, назвать «абый»… К младшим же у нас обращаются просто «энем», «кецегям», что можно применять и без имени, не велика честь…

Абый – совсем другое дело, это уже статус, считай. Абый отныне – это Учитель с большой буквы, и этим все сказано. Поэтому и стар, и млад, в деревне к учителю стал обращаться одинаково – одним, самым

почтительным словом Абый, и все тут. Заменяя этим одновременно и имя-отчество, и должность, и указуя на его старшинство над всеми, и его образованность. Это не «акя» или даже равнозначное ему «агай» какой-то. Большего авторитета у наших сибиряков никто не удостаивался. Даже начальствующие в деревне люди – предколхоза, председьсовета, председьпо – все уважали учителя, и на любые сельские сходы отныне обязательно приглашали и его, и когда споры становились неразрешимо долгими, непременно желали знать и выслушать его мнение: «А что по этому поводу скажет Абый?..»

Поэтому учитель у нас всегда был предметом большего интереса селян. Этот интерес непременно перекладывался и на его домочадцев. Если и дети учительские оказывались усердными, послушными, умели почитать старших, да хорошо учились, то все кивали на отца семейства: а как же иначе-то, учительские ведь. И не дай-то боже каких-либо исключений.

Сколько себя помню, так воспринимали учителя Назима Баязитова и мои односельчане, потому что большинство в свое время выучились у него, в том числе и наши родители. Ко времени, когда переступили порог школы мы, Назим-абый был уже в почтенном возрасте, главой большого семейства. Четверо детей его в ту пору учились в институтах, или работали далеко за пределами района, а тут подрастали еще четверо. Пятый наследник его, Дамир, стал нашим одноклассником.

Первого сентября он раненько обежал всю деревню, по поручению отца, извещая, чтобы не проспали мы свой первый звонок…

АБЫЙ И НУРКА

Но бывают редкие исключения из общего правила. Как говорят, в семье не без урода. Среди примерных, послушных моих одноклассников самой большой головной болью учителю стал четвертый ребенок в многодетной семье Шавалеевых – мой ровесник Нурмамед, по-нашему Нурка.

До третьего класса он более-менее сносно пересидел школьные часы за партой. А в четвертом – как отрезал. Появился только неделю спустя после летних каникул. И то лишь влекомый за шиворот крутого нрава отцом-фронтовиком. Старший Шавалеев приковылял, волоча Нурку, до самой лестницы на второй этаж. Дальше подниматься не стал – с деревянной ногой крутые ступеньки ему бы дались непросто, зато он ею ловко поддел и вдарил Нурке по заднице. Наш гуттаперчевый однокашка вмиг пролетел половину этажа. По инерции, данной деревяшкой, ловко пересчитал ногами оставшиеся ступеньки, и тут же, обернувшись, сверху погрозил отцу кулаком:

– Сам говорил: «Читать-расписаться могу, для колхоза и этого много», а меня пинком, да? Вот вырасту, увидишь у меня!..

Случаются же такие парадоксы в природе, когда на всю деревню, можно сказать, одного кого-то одаривает господь вот такой неучтивостью, какой свет не видывал. Никто ведь не вспомнит теперь, с какого момента и за что Нурка успел так невзвидеть школу, что каждое новое утро он воспринимал как наступление очередного дня наказаний, выпавших на его бедовую голову.

Вот и на мой призыв явиться на линейку, ведь в пионеры же будут принимать, он всех нас скопом огрел матюгами. Вылез из-под трактора, сунул мне под нос замасленный гаечный ключ, сурово сказал:

– Выслуживаешься, крестоносец! В вожатые метишь? – и с напускной важностью произнес, как приговор, – Так вот, передай, ни в какие пионеры меня не тянет. Больно охота макулатуру вашу, кости и железяки ржавые собирать. Есть дела поважнее.

Мне было непонятно, почему в этот разговор не вмешался старший рядом, его дядька, и не прогнал Нурку в школу. Может он, беря в пример колченогого брата, тоже обходился лишь тем, что умел расписываться. Так Нурка остался единственным за всю историю деревни школяром, не принятым в пионеры.

На другой день старшего Шавалеева по заявлению учителя вызвали в сельсовет. На большой перемене Абый тоже должен был сходить туда. А нам без учительского пригляду выпало время порезвиться.

Но тут, как грех на голову, во время догонялок Нурка ухитрился схватить Дамира за галстук, крутнул его вокруг, как оказалось, чересчур круто, что Дамир стукнулся головой о печку, а кончик его ситцевого галстука остался в руке у Нурки. Стукнулся-то Дамир не так больно, вскользь, но от обиды, что на второй всего день был порван галстук, он заплакал, ведь придется отвечать перед отцом-учителем.

На беду, вернувшийся к этому времени Назим-абый поднимался на школьный этаж. Он и без этого был угрюм от неприятной в сельсовете сшибки со старшим Шавалеевым, а тут пред очи предстали зареванный Дамир, и виновато понурый Нурка.

Учитель был крут человек, тоже ветеран войны-орденоносец, но умел сдерживать свой гнев. Однако, на этот раз он не совладал с собой. От увиденного, рассерженный, он покрылся пятнами и, не колеблясь, вдруг сгреб Нурку за шиворот, поволок к открытому окну коридорному, перехватил за грудки, да чуть не сбросил вниз, держит, дрожа и негодуя:

– Ты хоть в школе будешь вести себя как человек, а!? Убью ведь сейчас, паршивец!..

Девчонки заревели разом, забегали, не зная, что предпринять, как предотвратить беду. Из этого окна уборщица выливала воду после уборки в классах. За зиму тут нарастал лед грязно-бурого цвета. К весне лед нарос крутой горкой до половины двухэтажки. Если бы Нурка был даже и сброшен, он всего лишь соскользнул бы по льду до снега под горой. Но хоть кол на голове теши этому сорви-голове в подобные минуты. Он скосил вниз глазом, ухмыльнулся в лицо учителю, и затвердил, как заведенный, передразнивая тон его:

– Ну, попробуй-попробуй! Посмотрим, как сбросишь-то!.. Будет тебе потом!..

Однако, как ни ожидали мы, неприятных последствий для учителя не последовало. Все же Нурка не умел жаловаться. Боялся отца пуще, чем кого-либо на свете. Может, кто-то из девчонок рассказал об этом случае своим, но дальше семейных пересудов в деревне дело не пошло. Все же Абый сдержался тогда, не сбросил Нурку.

ДРУГИЕ ЗАБАВЫ ДЕТСТВА

Четвертый класс для Нурки был последним годом учебы с нами. К пятому классу его увезла с собой на Север тетка родная по материнской линии. Отныне на родине он стал появляться только зимой и летом, на каникулах.

С нами теперь играл редко, так как, зная его строптивый характер, родители стали загружать его всякой посильной работой. Зимой он за маму стал возить на бричке воду в колхозную ферму. Несколько раз подворачивался случай, бывало, он даже подвозил меня, как ни в чем не бывало. Дети есть дети, со временем все отошло на второй план, или вовсе забылось. Увидит меня Нурка издали, свистнет зычно, резко остановит лошадь, ни слова не говоря, кивнет, мол, садись, подвезу. И изо всей силы стегал бедную кобылку сложенными надвое концами вожжей, что она, взбрыкивая, мчалась во весь опор, под гору, до самой проруби. Там он по-мужицки деловито скидывал вожжи, брал ведро, и начинал наполнять бочку водой. Я уходил домой в Искру. Некоторое время, остановившись на горе, наблюдал за тем, как он, окончив наполнять бочку, заматерясь по чем свет стоит, тем же макаром начинал стегать кобылу по бокам. Нагруженные сани со скрипом отрывались от налипшего льда, трогались. Нурка теперь

вышагивал сзади саней, с силой толкая бочку в подмогу усталой лошади. Затем повозка скрывалась за сельским клубом, но далеко раздавался голос Нурки, идущего понокивая и пощелкивая кнутом…

Летние каникулы он начинал с того, что пособлял дядьке-трактористу, заменяя за рычагами во время его обеда, а чаще – сеяльщиком на пыльных прицепных сеялках.

В уборочную снова брал вожжи в руки, возил зерно с комбайнов на ток.

Но для нас, сверстников, доблесть Нурки нигде не проявлялась так ярко и красиво, как это бывало на сабантуе. Ни до него, ни после, никто из моих сверстников не добивался таких успехов на конных скачках, как он. Нурка ухитрялся находить время, и после полевых работ шел на конюшню, выводил своего резвого красавца-Буяна за край села, выхаживал-готовил его к скачкам. А подготовка к скачкам, это ведь целая наука. И когда же он успевал освоить такое тонкое дело, уму непостижимо...

А в день сабантуя Нурка был на коне с раннего утра. Гарцевал перед нами – осанистый, счастливый, и гордый за своего скакуна. Чуть ткнет коня пятками по бокам, тот легко взвивается на дыбы. Причем, в отличие от взрослых, он не пользовался седлом, сам же, как обычно, был бос. В такие минуты Нурка становился нам ближе и роднее чем кто-либо другой, ведь ни за кого другого мы так не болели, как за своего школяра-ровесника. И он зачастую оправдывал наши ожидания.

Как только ускачут участники на исходную, вся деревня сваливает за край Митькина. И только из-за леса пошла клубиться пыль, сабантуй весь напрягается, смолкает настолько, что за два километра становится слышен топот приближающегося табуна. Мы рассредоточиваемся по трассе за полкилометра до самого места финиша, чтобы хоть криками, свистами помочь Нурке подзадоривать Буяна.

Вот мчится табун на тебя. Чей-то жеребец, испугавшись людской толпы, сворачивает мимо деревенских ворот, а мы уже волнуемся, лишь бы это был не Нурка, а когда замечаем его среди первых, ликованию нашему нет предела – ревем, свистим, орем во все горло: «Нурка, молодец! Буян, давай, жми, дорогой!» Они как ветер проносятся мимо, мы мчимся следом. Вот Нуркин Буян летит ноздря к ноздре с первым, и дай бы боженька чуть-чуть дальше, он перегнал бы того наверняка, но не хватает каких-то малых долей секунды, финишная линия настигается быстрее, чем хотели бы мы. Наш Нурка оказывается вторым среди соревнующихся взрослых дядьев, и это тоже ведь ой как здорово!..

В Армию Нурка Шавалеев попал дальше всех митькинских, аж на Камчатку, танкистом. На дембель, как все, он не вернулся, остался на сверхсрочную механиком. Рассказывали, что за десять лет он один раз только показался в деревне, и то лишь, чтобы представить родне будущую жену, камчатскую хохлушку в третьем колене, а ей показать свои родные места, авось, подумает, да останется с ним на его родине. Говорили, очень красивая была деваха, его избранница, кровь с молоком. Но остаться жить в нашем Митькино она не захотела.

Через некоторое время дошли до деревни слухи о его якобы геройской гибели, спасая какого-то важного командира в горящем танке. Позже были и другие пересуды о нем, что не погиб вовсе, а стал инвалидом лишь. Однако, всей правды до сих пор никто не знает, так как с письмом Нурка не дружил еще со школьной поры…

УБЕРЕГИ РОДИНУ, БУДУЩЕЕ

Нет-нет, да задумываюсь иногда о том, что хорошо бы как-то встретиться с однокашником Нурмаметом. Все же есть слова, которые остались не высказанными, дела, не выясненные с ним до конца. Очень хочется сойтись на берегу Агитки в ясную, не жаркую погоду, лучше – к вечеру, пусть бы даже без удочки посидеть вдвоем, и поговорить по душам о былом. И высказаться обо всем, что накопилось за эти годы.

О том, что все же я очень благодарен ему…

А за то, что был именно таким, каким он был – шустрым, гонористым, сорви-головой драчливым, задиристым. Что не давал мне покоя, и часто доставал именно меня больше, чем других ровесников, чем очень помог подготовиться к дальнейшим моим встречам с другой средой, испытаниям большим и малым, выпавшим по судьбе вдали от родного Митькино. Где, как оказалось, бывают драчки совсем другого порядка – намного жестче, если не сказать жесточе. Где перепадало так, что, если бы не Ванькины и Нуркины мне уроки, давно б я сдался, и слинял из городов этих обратно, недоучившись в этой агрессивной, порою, среде, как сделали некоторые земляки.

Где лежачего шпана городская, по их правилам, обязательно добивает. Где оплеухи, подзатыльники, какие редко кому доставались в моей деревне, считаются несерьезной трепотней нервов. Лучше – в глаз кастетом, или в ухо. Высшей удалью считается пырнуть шилом по мягкому месту, и это для них все равно, что по нашему шлепнуть по попке. А круче удаль – это прошить лицо бритвой. Где один на один не в моде, лучше – всей сворой, чтобы не знал, кто именно сломал тебе челюсть, своротил нос, выбил глаз до вытека. Причины? Потому что идешь поздно один. Потому что не нашлось у тебя закурить. Рупь зажилил. Не той тропой гуляешь. Где если грабить, так бедных стариков, насиловать, так хилую малолетку. Пинать, так всей кодлой, и вусмерть…

Деревенщине из этого городского арсенала достается особенно жестоко. Городская свора вычисляет такого вмиг. Я так же не был исключением. Но я оказался подготовленным к таким передрягам, встречался с ними без дрожи в голосе и коленях. И помня уроки Вани Сазанова, зачастую бил первым, иначе свалят самого и затопчут. Главное, оглоушить. У шпаны в авторитете только смелость и наглость. Затем сама такому предложит замириться. Такая она – ребячья наука выживания, выработанная жестокими правилами городских окраин.

Но чаще – я умел избегать такие стычки, чутьем угадывая намерения шантрапы городской, чему так же был научен в деревне моего детства. Опыт – он сын ошибок трудных...

Так что деревня моя хорошо потрудилась над нами.

Из нас не вышло тунеядцев, воров, грабителей. Не говоря о том, что никто не стал вымогателем, взяточником, разбойником, террористом – таких деревня не поставляет. Тем более – тюремщиком, рецидивистом, убийцей никто из митькинских не стал, и стать, по большому счету, не мог.

Но больше, наверное, мы сами над собой как надо поработали в родной для сердца деревне с красивым и ласковым названием Митькино. В чем, несомненно, есть недооцененная самими же заслуга таких моих земляков, какими были Нурмамет, Ваня Сазанов, Фаниль, Света Бабичева, Дамир, Таир Кабаев и, конечно же, первый учитель наш Назим абый Баязитов. Да и другие односельчане.

Сегодня, когда неудержимо манит меня родина моя далекая, нет-нет, да задумываюсь, мечтая навестить, и мысленно молюсь про себя: убереги же, боже, сохрани все, как есть! Пусть по-прежнему тихо ласкает мою деревню Агитка-река. И чтобы никто и никогда не нагрянул в урман-тайгу нашу с буровыми вышками, бульдозерами, бензопилами. Пусть бегает по лесам, резвится на Агитке детвора, вырастая добрыми, благодарными сынами своей родины таежной, в урманной глуби Сибири.

Пусть все остается так, как есть.

Потому что там, у земляков моих юных есть то, чего не было, и нет у мальчиков асфальтовых в джунглях каменных их суетных городов...

2008

Как убивают сибирскую родину

ВИХРИ ВРАЖДЕБНЫЕ

Теперь уж не вспомнить, кто первый на месте моей родной, исчезнувшей тридцать лет назад, деревни срубил жильё и назвал место по-ласковому – Малиновкой. Видимо оттого, что оно буйно порастало побегами дикой малины, от чего крестьянину-переселенцу из России не составляло большого труда раскорчевать место под участок и пашню. Рядом из обступающего займища вытекала речка, которую так же нарекли этим именем.

Через деревню проходил Сибирский тракт, то оседали в ней и ссыльные. И мне не раз доводилось слышать в разговорах жителей Малиновки, когда они, говоря о ком-то, добавляли: «А он из ссыльных».

Вспомнил я и рассказы матери о «ранешней» жизни.

Моя мать – Ерёмина Варвара Павловна – 1918 г. рождения, родилась в Малиновке в многодетной семье Павла Яковлевича и Анастасии Фроловны Шилиных последним ребёнком.

– Шестнадцать раз мамка рожала, – рассказывала она, – а семь нас только и выжило. И так было во всех семьях. Кто выживет, тот и живёт. Зато народ, Серёжка, какой здоровый и крепкий был. Вот братка мой, Никифор Павлович, он меня на 20 лет старше был. Пойдёт, бывало, в лес топором дрова рубить, так он засветло по три сажени дров нарубит, расколет и складёт. Ох и крутой он у нас на работу был. Тогда все тятьку в семье слушали, а тятька строгий был и завсегда с браткой на равных, и во всём советовался. Семья у нас была большая, и скотины помногу держали. Работников не было, и во всём обходились сами. Столько сена за лето руками накашивали! А как это, в деревне жить и ничего не иметь! А на что тогда жить, с голоду помрёшь. Зимой у нас тоже работа всякая была, но поменьше.

Народ в деревне дружно жил, песни любил петь и жил, как бы сообща, -- с присущим жаром любви к правде поясняла мать. – Что единолично жили и что потом при колхозах, а друг дружке помогали. Если кто из мужиков надумал сруб ставить, тут же, глядишь, другие мужики вечером со своими топорами к нему насобираются, и тюк, тюк, а сруб-то, как на дрожжах, уже и стоит! А потом вот так и другому рубят.

Помню, на своих лошадях помогали друг дружке назём от скотины на поля вывозить. Его накопится, возят, удобряют поля. Или, чтобы прибавить пахотной земли, вместе корчуют лес. Всё быстрей!

Сеяли тогда для своих нужд всё, и даже коноплю. Знаешь, из конопляных семян какое масло вкусное было! А стебли с неё отбивали и мужики с волокна верёвки вили. Помню, мамка моя ниточку с неё тонкую напрядёт, скрутит, и зимой сети сама навяжет и посадит... Озеро недалёко от нас было: тятька с браткой рыбу ловят и домой несут, вкусный карась был. Раньше, Серёжа, всё в дело пускали и делали всё больше своими руками. Редко, что нужное в лавке у купца Бузинского купят.

И никто в деревне замков на двери не весил. Приставят дверь палочкой и пойдут куды по своим делам. Люди совестливые были. Правда, один раз, я ещё маленькая была, ссыльный у кого-то корову зарезал. Так его мужики мясом обвешали и по деревне на верёвке провели, а потом в милицию сдали.

И вот ещё что. Тогда с кем попало не роднились. Подбирали родители. Три деревни у нас больше всего с Малиновкой роднились: Покровка, Квасниха, и Александровка. У меня две старшие сестры, Ульяна с Прасковьей в Покровку замуж выходили. А у купца Бузинского две или три девки на выданье были. Когда мой братка Никифор не женат ещё был, то моя мамка рассказывала, как он говорил моему тятьке: «Приглядел я, Павел Яковлевич, твоего сына Никифора. Приезжай, сватай любую девку и бери приданное». А тятька с мамкой вечером посовещались и отказали купцу. Рассудили так: «А на что нам купеческая дочь, когда нам надо по дому и за скотиной ходить, а она будет хоть докуль в кофты свои наряжаться да по Малиновке ходить». И правильно сделали. Сосватали братке у Андрея Фищенко дочь Авдотью. У свата Андрея без работы не посидишь, одних только дойных коров штук сорок было и молоканка своя. Ведь как говорят: какие корни, такие и отростки....

А когда раскулачивали, в доме купца Бузинского у нас школа была. В тридцатом годе у нас в деревне много народу раскулачили. Мы двумя семьями жили, посчитали за один дом и тоже раскулачили. А куда нас дальше Сибири было ссылать, если мы по своей воле сюда пришли? Тятьку парализовало, и он вскоре помер, а Никифора с Кузьмой сослали на шахту в город Кизел.

Жили мы с мамкой поначалу в избе у ссыльного австрийца, а он – в нашем доме. Есть нечего, мамка и говорит сестре Прасковье: «Сходи в наш дом и попроси маленько мяса и муки». Она пришла, а он топором наше мясо на горничном пороге рубит. Ей бы промолчать, а она возьми да и скажи ему: «Вы зачем на пороге рубите, у нас для этого колода во дворе есть». А он на неё с таким злом: «Зачем пришла?». Она ему: «Дайте нам хоть немного мяса и муки». «Иди отсюда!» – в ответ и с матом. Так ничего и не дал. Ох, и насиделись мы с мамкой голодом.

А один раз к нам в Малиновку приехал уполномоченный. Выпил вина в деревне и пьяный к нам давай ночью ломиться. Мамка ко мне: «Варька, беги к дядьке Лавро!». А дядька Лаврентий Клиндухов был мамке родным братом, его не раскулачили. Я прибежала, он взял своё ружьё, приходит и говорит: «Кто тут? Выходи, что надо?». А тот был вдвоём с местным, уполномоченный спрашивает у него: «Кто он?». Тот в ответ: «Брат». Уполномоченный тогда: «А-а! Кулак недобитый!» – и к дядьке. Только замахнулся на него колом, а дядька бах ему из ружья в грудь, он и повалился в траву. А что с ним был, тот убежал. Положили уполномоченного на телегу и повезли. До Ачимово к мосту подвезли, и он помер. Дядька Лаврентий сколько-то скрывался, потом ему передали, что тот сам виноват, и ему за это ничего не будет. И его не тронули. Потом дядька работал в колхозе, на войну сходил, и после войны уже помер в Малиновке.

А кладбища у нас, Серёжа, в Малиновке своего не было. В двадцать первом годе, когда восстание было, кого-то из деревенских убили, вот и решили хоронить здесь, и со временем основали. А до этого через Ачимово в Озерное за двадцать с лишним километров покойников возили, потому как там была церковь, там и отпевали их, и хоронили.

Тюменский писатель А.Я. Лагунов в своём историческом очерке «Двадцать первый», приводя в нём полностью текст ленинского декрета «Об изъятии хлебных запасов в Сибири», особо обратил внимание на то, где единственным средством выполнения планов хлебной развёрстки по отношению к крестьянину провозглашалась только грубая сила. Для вольнолюбивого крестьянина свобода всегда означала право собственности на его продукт. Вот и грянул в ответ на грубую силу крестьянский бунт, не бессмысленный, но беспощадный, которому в феврале этого года исполнилось 95 лет, в архивах которого упоминается и небольшая деревня Малиновка.

Что бы испытали мы сегодня, если в дом вошли вооружённые люди и сославшись на некий декрет грубо начали выгребать из холодильника, кладовки, погреба продукты, заготовленные для жизни семьи, а не для них. Думаю, у большинства рука невольно бы потянулась к ружью или топору...

Не позавидуешь жизни наших дедов и отцов. Всё выдержали, выстояли и залечили раны, потому что не помнили зла, были сильны народным духом, его традициями, и, понимая главное в жизни, они не путали своих обид к чиновнику с матерью Родиной. Когда западные кукловоды в 1941 году обрушили на Родину орды завоевателей, то от войны не прятались, пошли биться с врагом. Многие погибли.

Малиновка после войны осталась практически без мужиков, и во многом это сказалось на её последующей судьбе. Я помню, как отец мой, Анатолий Никанорович, участник Великой Отечественной войны, при мне по памяти и порядку малиновских улиц посчитал, сколько из деревни уходило на войну и сколько не вернулось. Назвал точное число. Жалею, что тогда я этого не записал.

Лидия Семёновна Соскина родилась в Малиновке, она из детей войны. В разговоре со мной вспомнила о Середовой Татьяне Алек-

сеевне, у которой погиб муж и единственный сын. Люди ей всегда очень сочувствовали и жалели. Так она одна и умерла.

Была у меня единственная бабушка, мать отца – Анна Григорьевна. Девичья фамилия её была Зимнухова, и родом она была из Александровки, заселённой крестьянами из Тамбовской губернии. Зимнуховых тоже раскулачили, и, к слову, шерстобитка, что исправно работала в районном КБО до 70-х годов, была из хозяйства её отца – Григория Ивановича Зимнухова. Оставшись без мужа, бабушка работала на Малиновской ферме, одна в голоде и нищете поднимала троих детей. Младший сын её Сергей (1925 г.р.) погиб в 1944 г. в Белоруссии.

Помню, как ко мне, едва научившемуся читать, подошла бабушка и подала сложенное треугольником письмо, попросила почитать. Сама она не умела читать. Запинаясь, я читал слова, написанные карандашом на пожелтевшем листе, а бабушка на удивление мне всё время подсказывала, то и дело смахивая уголком платка слезу. Когда я закончил читать, бабушка пояснила: «Это сынок мой, Серёжа, с войны прислал. – Помолчав, она добавила: -- Убили его, -- и показала на его портрет, что был на стене. Бабушка нагнулась, достала из сундука связанную в узелок тряпицу, развязала и подала мне 15 копеек. – На вот, сбегай в магазин, купи себе пряников, – сказала она, погладив рукой по голове, и добавила: – А это ведь я тебя Серёжкой назвала…». В начале 60-х на 15 копеек можно было купить граммов 200 пряников. Помнится, обласканный бабушкой, я бежал в магазин, а в душе прорастала боль родовой утраты, и мне было очень жалко бабушку. Уже позже я узнал, что письмо это она давала читать в своё время брату Геннадию и сестре Валентине.

Из таких эпизодов и ткётся полотно памяти народа с единственной надеждой, когда же власть увидит в нём не средство для достижения цели, пугая кнутом или заигрывая пряником, а на равных вместе с ним будет созидать по совести жизнь для Человека в Богом данном Отечестве.

В 50-х годах Малиновка, как вспоминает Л.С. Соскина, имела три улицы и насчитывала, примерно, 80 домов. «Был просторный клуб, – вспоминает она. – Молодёжи в деревне было много. Колхоз наш в Малиновке, куда и входила соседняя деревня Боярка, назывался имени Ворошилова. Потом нас объединили с колхозом «Заветы Ильича», а центральная усадьба была уже в селе Ачимово, и в нём был Ачимовский сельсовет, куда входили Ачимово, Малиновка, Боярка, Катай, Воскресенка, Большая Веретья и Малая Веретья. И везде народу было полно. Тогда ещё детей рожали и не говорили, что «нищету плодят». Была у нас в Малиновке большая ферма. Базы и дворы мужики строили сами. Держали коров, молодняк, свиней, овец, лошадей, птицу. Летом пахали, сеяли, заготавливали корма, убирали урожай. А ведь, кроме этого у каждого было ещё своё большое личное подсобное хозяйство со скотиной, покосами да огородами, где тоже надо было найти время, чтобы со всем справиться. Народ тогда ещё старой закваски был, – говорит Лидия Семёновна. – Устанем, а вечером всё равно мы, молодёжь, в клуб бежим, где посмотрим кино и попляшем под гармошку. Утром встаём и опять за своё».

Там же, в Малиновке Лидия Семёновна обрела и вторую половину – Николая Дмитриевича Соскина. Уже намного позже, когда семейство Соскиных обросло детьми и жило в селе Озерном, то помню, как Николай Дмитриевич работал в совхозном гараже на автокране. А Лидия Семёновна – в Озернинском сельсовете.

Когда о Малиновке, в силу её удалённости, начальство заговорило как о неперспективной, то люди, больше задумываясь о детях, понемногу стали оттуда разъезжаться. Кто в Ачимово, Озерное или Викулово, а кто, как Егор Никандрович Клиндухов, в конце 60-х годов махнул в Чимкентскую область Казахской ССР. Туда же со временем к нему перебрались ещё несколько малиновских семей.

«В конце 70-х годов при управляющем Малиновской фермы Викторе Михайловиче Лизневе у нас ещё на ферме было 200 коров, 600 молодняка КРС, 1500 овец и лошади, – вспоминает бывший бригадир Малиновской фермы Сергей Алексеевич Горбунов, а ныне пенсионер и житель села Ачимово. – В деревне было около 40 дворов. Сами заготавливали корма и обслуживали посевы на площади до 2000 га».

Виктор Владимирович Юрьев, уроженец Малиновки, а ныне проживающий в селе Озерное, не без улыбки вспоминает, как ему в ту пору при весенне-осенней распутице доводилось на тракторе утром и вечером доставлять молоко от Малиновской фермы на молоканку в Озерное: «Дорога – чернозём, вся в колеях и разбита. Порой и не знаешь, куда свернуть, а кроме как на себя надеяться не на кого. Так я где только дорог не наделал: и по полю, и по лесу, чтоб только молоко ко времени привезти. Бывало и буксовал, тогда идёшь пешком в Ачимово или в Малиновку, и другим трактором мой вытаскивали…».

В начале 80-х годов постепенным сознательным сокращением скота на ферме добились того, что люди остались без работы, следом прикрыли начальную школу, а чуть позже и магазин.

Александр Игнатьевич Заборский, бывший в ту пору управляющим Ачимовской фермы, которой и передавали на содержание часть её баланса, рассуждает на эту тему так: «Если хотят люди, то пусть живут. Надо за каждую деревню держаться. Ведь как говорят: малые реки питают побольше, а малые деревеньки большие деревни и так дальше до города и страны. Чернозёмные поля, которые крестьяне-единоличники и при Советской власти с таким трудом раскорчёвывали от лесов, ныне вновь зарастают, -- говорит он. – А урожайность на них у нас всегда была выше, чем по совхозу».

Последними жителями, покинувшими Малиновку со своими семьями, были Кайдунов Михаил Данилович, Лизнев Николай Михайлович и Середов Александр Петрович. Было это летом 1986 года.

Деревня обезлюдела. Всё, что ещё хоть как-то напоминало о ней, столкали бульдозерами в кучи, напоминающие собой курганы. Заодно с малиновскими полями площадь эту распахали и засеяли. Но вскоре нагрянувшая перестройка с прихватизацией и этому положила конец...

Лет 10 назад я был на Малиновском кладбище с Анатолием Игнатьевичем Заборским. На исходе лета мы ходили от могилы к могиле своих земляков, вглядываясь в их лица на фотографиях, имена, даты, и каждый раз что-то вспоминая. Помню, Анатолий подозвал меня и сказал: «А это Дмитрий Кириллович Соскин, фронтовик. Его народ уважал и всегда в деревне к нему обращались по имени-отчеству, Дмитрий Кириллович». Я пристально вгляделся в открытое и добродушное лицо жившего на этой земле человека.

Могил Шилиных и Ерёминых в поросшем берёзками кладбище не было. Поскольку они находились у самого края кладбища, а там не росло деревьев, их бугорки запахали по хлебное поле. И вот теперь это сиротливо оставленное людьми поле буйно порастает травой и лесом. И кого в этом винить?..

Анатолий Игнатьевич после этого всё же сделал железный крест и, выбрав время, добрался на своём тракторе до кладбища и на примерном месте предполагаемых 11 могил его родственников установил его с надписью «Шилины».

Мать его, Анна Никифоровна, моя двоюродная сестра, умерла в прошлом году в возрасте 95 лет. Она бережно хранила в поминальнике все их даты рождения и смерти и молилась о спасении их души....

Ближе к полудню посетили место, где располагалась Малиновка. Я смотрел на очертания, помеченные высокой кромкой леса, и чувство малой родины, давшей жизнь, благодарно наполняло грудь. Глядя на примерное место, где стоял наш пятистенный дом, вспомнил его историю, рассказанную отцом Анатолием Никаноровичем. Когда дед Никанор срубил его, поставить не успел, так как раскулачили и сослали, где он и умер. Долгое время сруб стоял без крыши, с закрытыми берестой от дождя углами. Отец подрос и перед войной успел на него поставить крышу. И только вернувшись с войны, он довёл-таки отцовский дом до ума. В нём, а не где-то там, в районном роддоме, мы, его дети, и родились. Так как отец работал секретарём Ачимовского сельсовета, то в 1958 году он переехал жить в Ачимово и перевёз туда дом, где он стоит и поныне.

И вот уже на географически удачно расположенное во всех отношениях старинное русское село Ачимово с подведенной в советское время асфальтированной дорогой враждебные вихри времени веют той же бесперспективностью и безысходностью.

В 1963 году здесь я пошёл в 1 класс, нас было 24 первоклассника. И учились в две смены, учителями были Пётр Егорович и Валентина Ивановна Демидовы. А теперь вот и школу закрыли, а на опустевших улицах вместо домов – плешины из конопли и крапивы....

Сергей ЕРЁМИН

71-я годовщина Великой Победы!

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

Геннадий Сысолятин

ПЕРЕД БОЕМ

Ночь тревожна.
В траншеях не спится.
Сам комбат караулы развел.
Далеко нам до старой границы,
Впереди еще город Орёл.
Вражьи танки слышны
по долине,
Мы их ждем – оседлали шоссе.
Руки в пушечном сале и глине,
И на нас плащ-палатки в росе...
Третье лето кромешного ада.
Гоним недруга с нашей земли,
А от славных руин Сталинграда
Лишь сегодня к Орлу подошли.
Потому нам в траншее
не спится,
Что не помнить об этом нельзя.
Далеко нам до старой границы.
Впереди Белоруссия вся.
А за нами – могилы, могилы,
Без убитых ни ночи, ни дня.
Дай мне, Родина, выстоять силы,
Доведи до Победы меня.

1943



Сергей Борисов

ТОЙ ВЕСНОЙ

Той весной солнце скупо
дарило лучи,
Мы ночами тогда
хоронили бойцов.
Ту весну принесли
не на крыльях грачи,
Той весной мы не слышали
песен скворцов.
Были песни другие тогда
у весны,
Не лежала солдатская
к песням душа.
Пели бомбы да танки,
да щепки сосны,
Пели мины да пули
в солдатских ушах.
Пела смерть, по броне
и по каскам стуча,
Мы кричали «Ура!»
перекошенным ртом.
Ту весну мы без песен несли
на плечах.
А уж петь соловьями
мы стали потом.

Николай Денисов

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Там все было:
труд и гулянки,
И горечь недавнего зла.
И травка на нашей полянке
Шелковей и мягче была.
Там были повыше деревья,
Пожарче в печах чурбаки.
И песенней бабы
в деревне.
Проворней в любви
мужики.
Там в клубе –
под флагом саженным,
В багетах на красной
стене –
Был Сталин
в мундире военном
И Жуков на белом коне.
Напротив же, метко
придуман,
Шаржирован краской иной,
С дубиной пещерною Трумэн,
Грозящий «холодной войной».
Но шли краснозвездные танки,
И реял над ними кумач.
И пятились жирные янки
И проклятый Франко-палач.
Был радужен мир и плакатен,
Но было легко всё равно
Не видеть на солнышке пятен –
Так ласково грело оно.

Виктор Жорник

НЕГАСИМАЯ ПАМЯТЬ

Не понаслышке знаю о войне,
Не из кино и книжек факты знаю.
Она на горло наступала мне –
Еще в кошмарных снах
я умираю.
Еще бегу в атаку на врага,
Голодный, злой, но сердце
жаждет мести.
В кровавый цвет окрашены
снега,
В дыму – полнеба
и дома предместий.
Еще не отомстил я до конца.
Фугасы воют, города сметая,
И девять граммов
смертного свинца
Я в лоб фашисту яро посылаю.
Проснусь в поту…
Ну, слава Богу, жив!
А сердце гулко бьется
на пределе.
Идет война… Границы, рубежи
Навеки пролегли в душе
и в теле.

Владимир Фомичев

ПОКЛОН СОЛДАТАМ

Вам поклон, солдаты,
За цветущий май,
За рассвет над хатой,
За родимый край.
Вам поклон, солдаты,
Павшие в бою,
За простор крылатый –
Родину мою.

Виктор Захарченко

РУБЦОВ В ДЕРЕВНЕ НИКОЛЕ

«Я ВОТ ВСЁ ДУМАЮ, ЧТО БЫ МНЕ ЕГО ТОГДА НА ПАРОХОДЕ В НИКОЛУ БЫ ПОЗВАТЬ, ОН БЫ ПОЕХАЛ. МОЖЕТ БЫТЬ, И ОСТАЛСЯ БЫ ЖИВ»

Многие исследователи называют 1964 – 65 годы очень важными, кто-то говорит – переломными в жизни поэта Николая Рубцова. Помимо своей воли он оказался на родине после исключения из Литературного института.

Конечно, событие анекдотичное: представьте себе, подобным образом исключили бы, ну скажем, Лермонтова. Из Литературного института исключили, а из литературы? Той самой великой русской, ради пополнения которой и было создано это учебное заведение!

Ну, это к слову. Почему Рубцов поехал в Николу? Возможностей устроиться на работу на большой земле в те годы было множество. И, тем не менее, он едет в глушь Вологодчины. Да, там была его родина, там он вырос, там была его семья, женщина, от которой у него родилась дочь. Но, может, было что-то и другое, что заставило поэта пренебречь всеми прочими вариантами жизнеустройства, что вело его туда, вопреки логике и здравому смыслу.

Интересен на это счёт взгляд Наталии Яшиной, дочери другого известного вологодского поэта:

«Говорят: нет худа без добра. После исключения из института, поселившись в деревне, Рубцов возвращается к своим первоистокам, получает огромный кабинет для творчества: леса, поля, реку, русскую деревню. Все это он видит в разные времена года и в разную погоду. Кабинет, где вместо стен – дали, «виды деревень», стволы берез, осин, елей; вместо потолка – «сияние небес», где, то «солнышко описывает круг...», то «спокойных звезд безбрежное мерцанье...»; а под ногами – «безбрежное болото», грибы, «багряный тихий лист». И родник – родник поэзии. Душа его возрождается… «пробуждается поэзия». Выходит, что село Никольское было для Рубцова своеобразным Михайловским».

Кроме прочего, это было место, лишенное соблазнов. Жизнь, не богатая на материальные блага и события. Скудная, едва-едва сводящая концы с концами. С элементами подневольного колхозного труда и подозрительностью к труду интеллектуальному. И поневоле душа разворачивается на иное.

«По письмам к Яшину видно, что Рубцов тоже был человеком деликатным, застенчивым, и только постоянная неустроенность и, прямо скажем, – нищета заставляли его бунтовать.

Эти лесные дары природы воспринимаются им как дары любви и таланта, красоты. И благодарность его за счастье видеть и принимать эти дары: «И сыплет листья лес, как деньги медные, – Спасибо, край чудес! Но мы не бедные...» Какое богатство!.. Так бывает: когда человек мало уделяет одному, материальному, то воспаряет другое – дух. Он всю свою жизнь – лишениями, сиротством, скитаниями – подчинил тому, чтобы сполна и приумножив вернуть талант, данный ему. «Нищетою богатая...» душа его». (Наталия Яшина).

Поначалу, по прибытии в Никольское, Рубцов видит всё вокруг в радужном свете, строки его светятся оптимизмом и полны неподдельного восхищения. Вот как описывает поэт место своего вынужденного пребывания в письме Н.Н. Сидоренко от 10 июля 1964 г.:

«Пишу Вам из села Никольское, куда я собирался. Это бедное, доброе, красивое (правда, немного беспорядочное) село. По вечерам здесь бывает особенно тихо, грустно и хорошо. Люди здесь, как везде, относятся друг к другу по-разному, но мне они почему-то все кажутся почти одинаково хорошими настоящими людьми».

Через пять дней Рубцов пишет Виктору Бокову:

«Пишу Вам из села Никольского, где сейчас установилась великолепная погода. Все время тепло и ясно (удивительно ясно по вечерам), временами пролетают веселые грозы, один раз только была страшная гроза. Село это совсем небольшое, как деревня, и расположено в очень живописной местности: дорога из леса неожиданно выходит к реке, а там, за рекой, плавно изогнувшись, поднимается в пологую гору, на горе разрушенная церковь (мне ужасно жаль ее), возле церкви старые березы, под березами какой-то одинокий крест, а вправо от этой великолепно-печальной развалины по бугристому зеленому холму и расположено Никольское (здесь его называют коротко, Николой). Вокруг села леса, все леса и через леса видны на далеких старинных холмах еще деревни. Простор, дай бог! Небо видно все полностью, от горизонта до горизонта, не то, что в городе.

Сейчас земля пошла плодоносить: вовсю созревают ягоды, встречаются и грибы, правда, еще редко. В лугах косят. Грустно немного видеть, как под косой падают заодно с травой и цветы.

Но как бы ни было сейчас хорошо, это еще не моя пора. Вот ближе к осени, когда пойдут рыжики да малина, да местность, пока что однообразно зеленая, будет приобретать различные яркие цвета, вот тогда я как бы полностью уничтожаюсь (или, может быть, возвышают над обыденным собой) и существую уже заодно с природой, живу какой-то особенной, полной, спокойной жизнью, как сама природа».

Не об этом ли писала Наталия Яшина – жить, полностью уничтожаясь и существуя заодно с природой? Для Рубцова-творца важно было это возвышение над собой обыденным, важно обретение покоя. Но и сам приезд в деревню благотворно повлиял на его творчество. В этом же письме:

«Стихи пишутся вроде бы легко. За несколько дней написал около двадцати стихотворений».

И ещё раз о жителях Николы:

«Люди здесь, в селе, умные, оригинальные, большинство с великолепным чувством юмора, так что, играя просто в карты, например, можно до смерти нахохотаться! Разные люди, добрые и скупые, мрачные и веселые, но все интересные почему-то».

Но уже буквально через месяц после первого письма Сидоренко Рубцов пишет своему литературному наставнику:

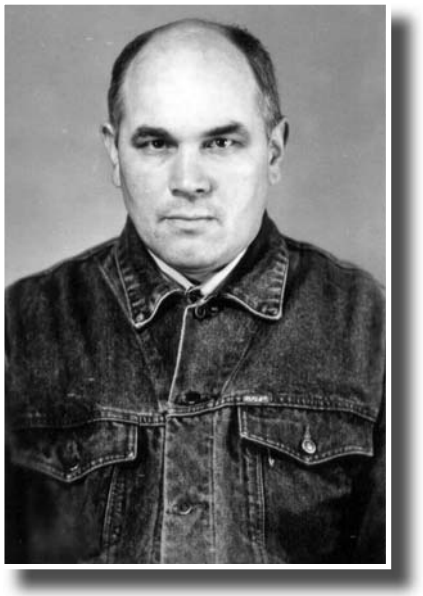
«В деревне мне уже стало скучновато. Это потому, что опять в лесу нет рыжиков. Позор какой! Уже несколько лет подряд нету их! А может быть, и вырастут еще. Тогда мне будет веселее.

За это время написал уже тридцать с лишним стихотворений. По-моему, есть там и хорошие».

Однообразие сельского быта после года, проведённого в шумной столице, начинает ощущаться поэтом. Ещё без надрыва, с шуткой, но осязаемо. И даже творческая плодовитость не радует так, как это, казалось бы, должно. Но он ещё в состоянии тонко и с редким лиризмом повествовать о своих огорчениях, и в этом повествовании оптимизма и светлого чувства, не меньше, чем в предыдущих строках. Из письма Александру Яшину от 22 августа:

«Ну, до чего жаль, что в лесу опять нет рыжиков! Недавно в лесу так обиделся на это, что даже написал стихотворение о том, как много бывает грибов: в общем, не смог обойтись без того, чтоб не приукрасить свою лесную жизнь. Иначе было бы очень скучно. Ужасно люблю собирать грибы, особенно рыжики! Когда их много, рыжиков, они так и заманивают в лес! Я беспрерывно вижу их во сне и просто так, перед глазами: мерещатся.

Ягод в лесу нынче полно. Но я больше люблю смотреть на них. Собирать с удовольствием могу только такие



Виктор Захарченко

ягоды, которые быстро прибывают в ведре или корзине. Ну, есть такие: брусника, клюква, смородина.

Вы знаете, в собирании земляники и малины мне все чудится что-то сиротское, старинное, особенно милое и грустное, даже горестное. В одной старой песне так и поется: «Послали меня за малиной...»

В августе же он сообщает Сергею Багрову, что будет «готовиться покинуть эту святую обитель природы», но и в конце сентября ещё был в Николе. Оттуда он писал Александру Яшину:

«Не выезжаю в Москву в институт потому, что перехожу на заочное. А еще потому нахожусь именно здесь, что здесь мне легче дышится, легче пишется, легче ходится по земле. Много раз ходил на болото. Километров за шесть отсюда есть огромное, на десятки километров во все стороны, унылое, но ягодное болото. Собирал клюкву. Ходил туда до тех пор, пока не увидел там змею, которая на меня ужасно прошипела. Я понял это, как предупреждение. Мол, довольно! И больше за клюквой не пойду. Да и птицы в последний раз на болоте кружились надо мной какие-то зловещие, большие, кружились очень низко над моей одинокой головой и что-то кричали.

...Удивительно хорошо в деревне! В любую погоду. Самая ненастная погода никогда не портит мне здесь настроение. Наоборот, она мне особенно нравится, я слушаю ее, как могучую печальную музыку... Конечно, не любая сельская местность может быть по душе».

А это строки из письма к тому же адресату от 3 ноября 1964 года:

«Пишу опять из села Никольского, где пропадал целое лето. Мне здесь крепко поднадоело, но есть, и правда, большое удовольствие, уединившись в тихой избе, читать прекрасные книжки Льва Толстого — я внял, как видите, Вашему совету и занимаюсь чтением. А еще есть удовольствие для меня в ожидании первых сильных заморозков, первых сильных метелей, когда особенно уютной и милой кажется бедная избушка и радостно на душе даже от одного сознания, что ты в эту непогодную грустную пору все-таки не бездомный…»

Отношение Рубцова к своему вынужденному пребыванию в Никольском начинает с приходом зимы постепенно меняться даже в письмах.

Надо сказать, что в письмах редко кто выкладывает всю правду до конца, чаще многое приукрашивается. То же можно сказать и о посланиях Рубцова. Особенно поэтам – в его задачу стояло не просто излить душу, а излить её поэтически, неслучайно их можно назвать маленькими литературными шедеврами, в которых Николай Рубцов демонстрировал собеседнику своё поэтическое восприятие мира, свои взгляды на творчество.

И если ещё 3 ноября он пишет, что в Никольском ему «порядком надоело», то 18 ноября в письме Станиславу Куняеву, своему московскому приятелю, он уже куда более откровенен:

«Я опять пропадаю в своем унылом далеке, в селении Никольском, где я пропадал целое лето. Это, как я тебе уже говорил, один из самых захолустных уголков Вологодской стороны,— в прелестях этого уголка я уже разочаровался, т. к. нахожу здесь не уединение и покой, а одиночество и такое ощущение, будто мне все время кто-то мешает и я кому-то мешаю, будто я перед кем-то виноват и передо мной тоже.

...Мое здесь прозябание скрашивают кое-какие случайные радости, на которые я не только способен, но еще и люблю их, и иногда чувство самой случайной радости вырастает до чувства самой полной успокоенности. Ну, например, в полутемной комнате топлю в холодный вечер маленькую печку, сижу возле нее – и очень доволен этим, и все забываю. Я проклинаю этот божий уголок за то, что нигде здесь не подработаешь, но проклинаю молча, чтоб не слышали здешние люди и ничего обо мне своими мозгами не думали. Откуда им знать, что после нескольких (любых удачных и неудачных) написанных мною стихов мне необходима разрядка – выпить и побалагурить?»

Здесь важно отметить несколько моментов. Рубцов говорит, что нашёл в Никольском «не уединение и покой, а одиночество». Но ведь поэт одинок в принципе, потому что творчество есть процесс индивидуальный. Чем же одиночество отличается от уединения?

Тем, что уединиться можно от кого-то, но, когда уединяться не от кого, это и есть одиночество. Рубцова начинает раздражать то беспоэтическое пространство, в котором он пребывает. Люди, восхитившие его при первом знакомстве, не понимали того, чем он занимался, потому что для крестьян нет такой профессии на земле как поэт.

Этим, как они считали, не зарабатывают себе на хлеб, и Рубцов, действительно, в этом «божьем уголке» не мог «подработать». Потому он и говорит о прозябании, подразумевая фактическое существование за счёт близких. Для любого нормального человека это унизительно.

Нельзя стихи писать изо дня в день. Если их написание предполагает максимальную концентрацию душевной энергии, особое поэтическое состояние, именуемое вдохновением. После таких всплесков важна «разрядка», которая для Рубцова определялась как возможность «выпить и побалагурить». За неимением средств это тоже было затруднительно.

В декабре 1964 года он писал С. Багрову:

«Жизнь моя идет без всяких изменений, и, кажется, остановилась даже, а не идет никуда. Получил письмо от брата из Ленинграда. Он зовет меня в гости, но я все никак не могу сдвинуться с места ни в какую сторону. Выйду иногда на улицу – увижу снег, безлюдье, мороз, и ко всему опять становлюсь безразличным и не знаю, что мне делать, да и не задумываюсь над этим, хотя надо бы задуматься, т. к. совсем разонравилось мне в старой этой избе, да и время от времени рассчитываться ведь надо за скучную жизнь в ней. Было бы куда легче, если б нашлись здесь близкие мне люди. Но их нет, хотя ко всем я отношусь хорошо. Впрочем, хорошее отношение здесь тоже понимает каждый по-своему и все отлично от меня.

Хорошо то, что пишется. Но ужасно то, что так тяжело печатать стихи: слишком много тратится на это время».

Поэт находится на распутье. С одной стороны – усталость от пребывания в деревне, «в старой этой избе», возможность уехать в Ленинград, с другой – что же его держит? Несомненно, семья. Не случайно, говорится о том, что ко всем поэт относится хорошо. «Впрочем, хорошее отношение здесь тоже каждый понимает по-своему и все отлично от меня». Семья, какие бы сложные отношения ни были в ней, всегда привязывает к себе, и потому поэт медлит с принятием радикального решения.

Когда Рубцов пишет о близких людях, это даже и не о семье. Хотя и о семье в том числе. Близкие – это те, кто понимает то, чем ты занимаешься. А таких людей рядом не было.

А вот отрывок из письма Глебу Горбовскому, написанного зимой 1964 года:

«Сижу сейчас, закутавшись в пальто и спрятав ноги в огромные рваные старые валенки, в одной из самых старых и самых почерневших избушек селения Никольского – это лесистый и холмистый, кажущийся иногда совершенно пустынным, погруженный сейчас в ранние зимние сумерки уголок необъятной, прежде зажиточной и удалой Вологодской Руси. Сегодня особенно громко и беспрерывно воют над крышей провода, ветер дует прямо в окна, и поэтому в избе холодно и немного неуютно, но сейчас тут затопят печку, и опять станет тепло и хорошо.

Я уже пропадаю здесь целый месяц. Особенного желания коротать здесь зиму у меня нет, т. к. мне и окружающим меня людям поневоле приходится вмешиваться в жизнь друг друга и мешать друг другу, иначе говоря, нет и здесь у меня уединения и покоя, и почти поисчезали и здесь классические русские люди, смотреть на которых и слушать которых – одни радость и успокоение. Особенно раздражает меня самое грустное на свете – сочетание старинного невежества с современной безбожностью, давно уже распространившиеся здесь».

В этом письме в очередной раз поднимается тема семейная. Люди, живущие под одной крышей, устали друг от друга, совместное бытие лишает поэта «уединения и покоя», столь необходимого для творчества. Быть может, тут сыграло роль и то, что Николай Рубцов, как это ни оскорбительно звучит, был не создан для семейной жизни.

Она тяготила его, лишая главного: возможности писать стихи. Сказать точнее, ему была необходима другая семейная жизнь – с минимальными обязательствами, с правом уезжать и приезжать, когда захочется. Возможно, это было заложено в поэта генетически: достаточно вспомнить судьбу его брата Альберта.

И когда Виктор Астафьев пишет, рассуждая, правда, о другой женщине – о Дербиной: «не такая баба нужна Рубцову, не такая. Ему нянька иль мамка нужна вроде моей Марьи», – можно поспорить с ним. И такая жена, как его «Марья», скорее всего, не сумела бы обуздать свободный нрав поэта. Даже не нрав, а норов.

Страсть к алкоголю, предельная импульсивность и непредсказуемость в пьяном виде – это можно наблюдать у множества русских и нерусских мужчин, это данность очень многих семей. Для Рубцова подобная данность была осложнена талантом, способностью создавать стихи невероят-

ной чистоты и глубины. Как это уживалось в одном человеке? Как обычно. Как всякие добро и зло, испокон веку живущие в наших душах. Сам поэт писал об этом: «Нет, не найдет успокоенья во мне живущий адский дух!»

А наиболее подходящей для Рубцова женщиной, на мой взгляд, была как раз его первая жена Генриетта Михайловна Меньшикова. Как и наиболее подходящим, лишенным соблазнов местом жизни – Никольское.

И зимой 1964-65 года он ещё там. Правда, надо уточнить, что периодически поэт выезжает из Николы. Так Леонид Вересов в книге «Страницы жизни и творчества поэта Н.М. Рубцова» публикует текст протокола совещания Вологодского отделения Союза писателей от 20 октября 1964 года, на котором со своими стихами выступил Николай Рубцов. В этой же книге есть документальное свидетельство участия поэта в семинаре молодых писателей в Вологде в декабре 1965 года. Кроме того, Николай Рубцов регулярно посещает Москву, где продолжает учёбу в Литературном институте.

Тем не менее, основным местом его пребывания остаётся Никольское, единственное место, где он не чувствует себя бездомным.

Из письма Сидоренко от 17 февраля 1965 года:

«Живу по-прежнему. Только по временам все сильнее и сильнее чувствую какую-то беспросветность в будущем. Порой кажется, что я уже испытал и все радости, и все печали. Все сильнее и сильнее люблю Л. Толстого, Тютчева, Пушкина, Есенина».

В этих строках – не отчаяние, не боль, а смирение, столь свойственное русскому человеку самых разных эпох, богатых не только на нищету, но и на куда более страшные невзгоды. Смирение даёт поэту внутреннюю устойчивость и благодарность жизни за те крупицы счастья, которые выпадают на его долю.

Более того, в объяснительной на имя ректора Пименова от 24. 04.65 Рубцов декларирует своё нахождение в Никольском как сознательный выбор:

«С тех пор меня перевели на заочное отделение... меня преследует неустроенность в работе, учете и в быту. Конечно, что есть проще того, чтобы устроиться на работу где-либо, прописаться и в этих нормальных условиях заниматься заочной учебой? Но дело в том, что мне, как всякому студенту нашего института, необходимы еще творческие условия. Эти условия я всегда нахожу в одном деревенском местечке далеко в Вологодской области. Так, например, прошлое лето я написал там больше пятидесяти лирических стихотворений, многие из которых сейчас приняты к публикации в Москве и других городах. Когда я ушел на заочное, я сразу же опять отправился туда, в классическое русское селение, — и с творческой стороны опять у меня все было хорошо».

О том, что жизнь поэта, казалось бы, вступила в размеренную колею, свидетельствуют строки из письма поэта В. Д. Елесину начала ноября 1965 года: «Живу неплохо. Хожу в лес рубить дрова. Только щепки летят!»

А вот письмо Александру Яшину от 19 ноября 1965 года:

«Я давно уже в деревне (по-прежнему снимаю здесь «угол»). Первым делом, как приехал сюда, закинул удочку в холодную реку – ничего не попалось. Сходил в лес – ничего не нашел, кроме замороженных старых масляков и рыжиков. Потом все занесло снегом...

В деревне мне, честно говоря, уже многое надоело. Иногда просто тошно становится от однообразных бабьих разговоров, которые постоянно вертятся вокруг двух-трех бытовых понятий или обстоятельств. Бывает, что ни скажи – они все исказят в своем кривом зеркале и разнесут по всему народу. Так что лучше тут не откровенничать и вообще не отвечать на любопытные расспросы, но все время помалкивать – это ведь противоестественно. Особенно не люблю тех женщин, которые вечно прибедняются, вечно жалуются на что-то, вечно у которых кто-то виноват и виноват настолько, что они рады бы стереть его с лица земли. А у некоторых вообще все виноваты. Столько ненависти в словах некоторых женщин, вернее, все-таки баб, что слушать их просто страшно. Кажется, от «толстовства» в деревне и следа не осталось. Конечно, я знаю и очень привлекательные свойства сельских жителей, но все равно все навязчивей мне вспоминаются слова Сергея Есенина: «Нет любви ни к деревне, ни к городу...» Впрочем, то и другое (деревня и город) мне разонравились не в той помрачительной степени, в какой Есенину. А большинство мужиков деревенских (да и женщин некоторых) я по-прежнему люблю и глубоко уважаю... В последнее время мне особенно понравилось топить по вечерам маленькую печку. Кажется, век бы от нее не ушел, когда слышишь, как говорят, что вот во второй половине ноября по всей европейской части Союза ожидаются сильные снежные бури. Но мне все же придется скоро уехать отсюда. Ну, что ж, странствовать я еще тоже не отвык. Главное, сдвинуться с места».

«Но мне всё же придётся скоро уехать отсюда» – и Рубцов уезжает в январе 1966 года. Фёдор Раззаков в статье «Звёздные трагедии: загадки, судьбы и гибели. Николай Рубцов» высказывает такую версию событий:

«Тем временем дала трещину и его семейная жизнь. Во многом этому способствовала его теща, которая теперь жила вместе с дочерью и внучкой в Никольском. Каждый раз, когда Николай возвращался из Москвы в деревню, теща не давала ему проходу, ругала за тунеядство, пьянство. Вскоре она перетянула на свою сторону и дочь. Когда жить в одном доме стало для Рубцова совсем невмоготу, он уехал куда глаза глядят».

На чём была основана эта версия, господин Раззаков не указывает. Но не случайно летом 1966-го поэт едет на Алтай – путь на родину ему заказан. Хотя говорить о полном разрыве отношений нельзя, как и нельзя говорить, что Рубцов больше никогда не бывал в Никольском. По свидетельству Г.М. Меньшиковой, «в последний раз в Николу он приезжал в 1968 году, после похорон Александра Яшина».

Несмотря на отъезд из Никольского, Рубцов поддерживал отношения со своей семьёй. Из воспоминаний Нинель Старичковой:

«Будем в Вологде 12, Челюскинцев 41, кв. 2. Гета, Леночка». Эта телеграмма, полученная 11 декабря 1967 года и бережно им хранимая, говорит о встрече у родственников жены, когда своего жилья у Коли еще не было».

Из интервью Галины Мартюковой, взятом в 2000-м году у Г.М. Меньшиковой:

«– А после 1968 года Вы с Рубцовым встречались?

– В 1969 году я ездила в Кириллов на совещание культработников, заезжала к нему в Вологду. Жил он уже на улице Яшина. Я прибралась у него, помыла полы. Он сходил в магазин, принёс еду. Я приготовила обед. К обеду к нему пришли гости. Видимо у Рубцова тогда была подруга Гета. Вот она и пришла с Юрой Рыболововым. Рубцов всё пытался показать, что эта Гета подруга Юрия. На другой день мы с Николаем ходили к Астафьевым.

Летом 1970 года вместе с Леной ездили в Вологду за покупками перед школой. Лена должна была идти в первый класс. Сразу с парохода пошли к нему. Там у него была Дербина. Рубцов говорит: «Познакомься, Гета, это Людмила моя двоюродная сестра». Я говорю: «Очень приятно. Но я знаю, что у тебя нет сестры Людмилы». Она после нашего прихода сразу ушла. Рубцов был очень рад увидеть дочь. Но пробыли мы у него недолго, уехали к тёте.

А последний раз мы встретились в сентябре 1970 года в Тотьме. У культработников был семинар. Занимались мы в Доме культуры. Там меня и нашёл Рубцов. Сказал, что приехал узнать, когда мы с Леной переедем к нему. «Мы не собираемся. Лена пошла в первый класс. Разве, что весной», – ответила я ему. А он говорит: «А я ведь могу жениться». «Женись. Хватит уже одному-то болтаться». И вдруг он говорит: «А я, может, до весны-то не доживу». – «Доживёшь, куда денешься». В этот день мы ходили с ним вместе к Баранову Василию Ивановичу. Посидели у Барановых, а потом я ушла ночевать в Дом колхозника. На другой день Рубцов хотел уехать на «Заре» в Вологду, но не уехал. Поехал вместе с нами на пароходе в семь часов вечера. Купил билет мне в каюту, со скандалом, до Усть-Толшмы в каюты билеты не продавали. В каюте кроме нас ехала бабушка. Сидели, разговаривали. Он вдруг сказал, что хорошо бы у нас с ним был ещё сын. И звали бы его Коля Рубцов.

В два часа ночи я сошла с парохода, Рубцов спал. Это была наша последняя встреча.

На Новый год мы с Леной собирались к нему в Вологду. Я уже себе и замену на работе нашла. Но выехать мы не смогли. Все дороги замело, транспорт никакой не пошёл.

А 19 января вечером принесли телеграмму: «19 января в Вологде скоропостижно скончался Николай Рубцов. Похороны 21 января, телефон…» Подпись: Романов.

На другой день в ночь я выехала в Вологду. Хорошо машины пошли из Верх-Толшмы, меня взяли. Ехали мы всю ночь. В Вологде Александр Александрович Романов рассказал, что случилось. Гроб был выставлен в Доме художников. Лицо у него в царапинах было.

Я вот всё думаю, что бы мне его тогда на пароходе в Николу бы позвать, он бы поехал. Может быть, и остался бы жив».

г. Тюмень

Николай Денисов

Взгляд

Рассказ

Ну что еще надо? В комнате тепло, уютно, мягкий ворс паласа под ногой, стенка книг до самого потолка – можно взять любую, откинуться на диван или в кресло, читать, забыв свои печали, думать, погружаться в чужую жизнь, мимоходом, мелко отпивая из кружки горячий чай. Хорошо. Да-а...

Что с того, что скверно на душе, а за окошком холодный день поздней осени? Но воробей на перила балкона принес хлебную крошку, подлетели еще два – пир веселый пошел! Голуби вон стаями вьются, ребятишки высыпали из детского садика, построились в колонну по два, шествуют за тетей воспитательницей. Но опять – понуро как-то, без ребячьего азарта...

И день серый. И дома серые – башни, пятиэтажки, расставленные в продуманном, расчерченном кем-то порядке. Но нет ощущения долговечности, прочности в их стандартной обреченности, геометрически правильной заданности. И также, будто временны, хлипкие, однообразные – голые сейчас – ряды тополей, словно, кроме этих тополей, воткнутых в болотистый грунт лет пять назад, наспех, для планового озеленения, и деревьев-то никаких на земле не существует.

Может быть, все образуется, наступит новая привычка, покой? Вот и снег повалил. Да настоящий, сибирский, наш, русский. Ты ведь мечтал о нем, грезил там, в жарких странах, говорю себе.

Не знаю, не знаю...

И здесь, на родине, нет равновесия, того самого «покоя и воли», что по предположению Александра Сергеевича, дается иногда взамен несуществующего счастья.

И приходит тогда та женщина – далекая, загадочная. Чувствую на себе взгляд её – сначала быстрый, мимолетный, а потом все более пристальный, с материнской жалинкой, все по-женски понимающий.

Да вот так и бреду и странствую мысленно в лабиринтах недавних дорог своих, портов и морей, встреч и расставаний. И вдруг вспыхивает этот взгляд, озаряет теплым хорошим светом. Как наша короткая августовская зарница.

И далекий Кочин-порт вспыхивает. И ты в нем! Городок этот самый благополучный, самый развитый в южном индийском штате. «Самый-самый» – из лексикона помполита, зацепляется в сознании. И ты смотришь уже под другим «углом зрения» на покатые, в новой чешуйчатой кровле – темнобордовые крыши, как бы нарисованных домиков на другой стороне бухты. А толчея стволов пальмовой рощи с желтыми, будто бы издающими тихий звон, кокосовыми плодами, кажутся преддверием земного рая – дармового, вечного – на веки веков.

И еще... Как прохладно, обволакивающе сладко пахнет сандаловым деревом в старинных, уже музейных апартаментах дворца магараджи, где пленительные – на фресках стены – подружки повелителя ласкают его – все вдруг! – на малахитовой зелени лужайки.



Индия. Порт Когин. Гости на пароходе

Индия без красавиц – в нежных и тонких сари и с кастовыми знаками во лбу! – не Индия.

Помнится...

– Да вот и они! – легкая улыбка тонет в богатых черных усах электрика Андрюхи Голяника, нашего красавца мужчины – с черной кудрявой шевелюрой. – Индейки пожаловали...

– Сам ты индейка! – дразнит Андрюху вахтенный матрос у трапа.

На палубах и в каютах пустовато. Воскресный день. И все свободные от вахт ушагали в увольнение – покупать бусы и ожерелья далеким русским женщинам. Славен у моряков Кочин-порт. Драгоценными камушками славен. И здесь они недороги.

И я уже походил по Кочину. Поклонился могиле первооткрывателя Индии Васко да Гамы. Не могиле, собственно, а ограждению на каменном полу католического храма. Прах Васко перенесен отсюда в Португалию, на родину мореплавателя. Написал я в толстой церковной книге слова восхищения смелому человеку. А сегодня и наш теплоход примечательность. Да какая!

– Братцы, гости идут!

– Индусы шумною толпою...

– Не балобоньте! – резковато обрывает матроса помполит – высокий пожилой дядька. Все на нем от запонок на рубашке с длинными рукавами – в такую жару! – до коричневых кожаных полуботинок, свое, отечественное, ни грамма «фирмового», зарубежного. Тоже, думаю, фасон, как и японские джинсы мальчишек-практикантов, как сингапурские «сафари» наших морских дам – обслуги судовой.

– Андрей, ты свободен сейчас? Проводи гостей по судну, покажи, что полагается...

А я жарюсь на навигационной палубе возле китайского бильярда. Сверху многое видно, слышно. И музыка красок ультрамариновой бухты, и скрытый там, за пальмами, городок, и портовый поселок с вольготно бродящими священными коровами по чистеньким улочкам. Ну и флагом пароходной компании «Феско-Индия». Вчера там, на фоне флага, фотографировались на память, кормили буренку одну бананами. «Красуля, Красуля!» – кликал я коровку русским именем, чесал её кирзовой мягкости шею. И старик торговец в тюрбане, продавший нам бананы, весело блестел глазами, улыбался, щерясь кривыми коричневыми зубами.

Корова цепко захватывала резино-

вой твердости языком зеленую кожуру, отворачиваясь от сладкой сердцевины, требовательно тыкалась слюнявой мордой в ладонь, уже доверчиво хлопая ресницами – по восточному раскосых и длинных! – коровьих очей. Ну дела! Веселели и мы, выгребая из карманов остатки неувесистой мелочи...

Гости поднялись по трапу. Мне пока слышны их голоса да глуховатый басок Андрея. Он что-то пытается там, на спардеке, растолковать им по-русски. Хохоток – сначала сдержанный, вежливый, потом все открытей, раскованней и рискованней – женский мелодичный смех.

Гости взошли на шлюпочную палубу, потом загомонили, развлекаемые Андрюхой, возле сухого бассейна. Сверху видно, как на корму, возле люка камбузных отходов, уверенно уселась чернявая, как монашка, местная священная ворона. Она сердито долбит полотнище флага, что колыхаясь, мешает ей просунуть куда-то свой нахальный и плотоядный клюв.

Жарища! А в груди – сладкий трепет. И понимаю – откуда он, из каких глубин вырастает, охватывает душу, воображение: индийские женщины! И ни где-нибудь в толчее улицы, в толпе – красивые и не очень, что насмотрелся в портовых городах, всякий раз сравнивая их с красотками из старых раджкапуровских фильмов, а прямо у нас, в нашем обыденном и грубоватом быту.

К своим судовым женщинам мы привыкли. Свои они и есть свои – хорошие «парни», переносят с нами вместе «тяготы и лишения» флотской работы, как трактует морской устав. Готовят нам, пекут и стряпают, прибирают у командиров, запросто заходят в каюты поболтать, валяются, когда и где выпадет роскошь, чуть ли не в ниглиже на горячем пляже среди здоровых, невыболевших мужиков. Каждая линия, изгиб тела – у наших – всякая родинка на коже, открытая рисковым купальником, известна. Да и биографии – подробности личного, чаще несостоявшегося счастья, известны: когда развелась, отчего не сложилось, обманулась или её обманули, к кому «приклеилась» на судне, и кто «приклеился» сам из парней – холостых, разведенных, а то и женатых. Все это обыденная, текучая жизнь с нечастыми радостями личного, от которой наши женщины отнюдь не становятся краше и привлекательней.

Но вот есть минуточки, окошечко в работе, и какая-то из наших пяти морских дам выпросталась из сарафана, раскинула одеяло на горячее палубное железо подальше от глаз, распласталась под южно-индийским солнышком. Кулачок под щеку, рыжую косу, чтоб не мешала загорать спине, в сторону, толстые пятки врозь... Кто это? Судя по солидным выпуклостям давно не точеной фигуры, буфетчица Лариса! А я не приметил как-то, азартно шуруя кием китайского происхождения. У меня тоже отдых между вахтами. Скинув в каюте, пропахшие машинным маслом, штаны, с удовольствием нырнул в шорты, в майку с альбатросами на груди и айда на верх, на жару, на волю...

– Андрюха, – голос того же матросика у трапа, – ты там не охмуряй индианок...

Черт побери, совсем развольничался молодой!

Да вот они и сами – гости наши. Четыре женщины в сари, три из них обвешаны голозадыми ребятишками, два моложавых индуса в цветастых рубахах навыпуск. И Андрей среди них – всем своим чернобровым и черноусым обличьем вполне сходит за индуса. Но куда денешь говорок – мягкий, славянский басок с украинскими, чуть заметными, интонациями...

Ах, как расстилается он перед одной, не обвешанной детишками, статной, хоть и немножко полноватой, но без излишеств, красивой индианкой!

– Андрей, как успехи? – кричу я парню.

– А вот выяснил: из дальней деревни приехали, чтоб посмотреть русский пароход.

– Ишь ты! Всё так и понял?

Гости вежливо топчутся возле Андрюхи, застенчиво улыбаются. Ох, уж эти вечные индийские улыбки! Затем, неловко оступаясь в своих легких сандалиях, взбираются крутым трапом ко мне. И как-то тоже надо проявить себя, оказать внимание.

– А ну попробуй! – подаю индусу кий.

Как мотыгу, как топорище, берет он кий и под вежливые улыбки спутников неумело делает удар.

– О кей! Ничего! О кей!

Ну, а Андрюха глазами прямо-таки мед источает на красивую индианку. И робость откуда-то взялась, и движения эти плавные, замедленные... Это у нашего-то Андрюхи?!

И она – я вижу! – понимает, ах, все понимает: взгляд этого русского нечто большее, чем любование, – томление, тщета, сожаление... И она всей статью, ободренная столь явным, пусть робким поклонением, гордится и уже веселей и понимающе, смелей посматривает на нас обоих. И мой восхищенный взгляд замечен и отмечен этой здоровой – кровь с молоком! – деревенской красавицей.

– Слушай, сфотографируй нас всех вместе! – протягивает мне Андрей свой «Зенит».

И потом на фотографии будет веселый и гордый взор женщины, её глаза, по глубоким и жарким зрачкам которых я навожу резкость, а рядом – глаза Андрея и что-то в них такое запечатлится и увековечится сейчас, чему, наверное, сам Андрей Голяник, будет дивиться через много лет, глядя на снимок, и вспоминать с душевным трепетом, одному ему ведомым.

– Ну вот! – вздыхает Андрюха. И все молчат. Неловкая пауза, освещенная вежливыми улыбками. Мужчины-индусы скромно косятся на поджаренные на солнце телеса нашей буфетчицы Ларисы и робко идут к трапу. Андрюха вихрем скатывается вниз, страхует спускающихся по ступенькам женщин. И опять улыбки, взгляды и – удивительно! – ни одного писка прильнувших к мамашам малышей.

– Что? – говорю Андрею, когда гости сходят на берег и всей цветной и улыбающейся компанией исчезают за ближними пальмами. – Никак влюбился?

– Кажется, да! – легко, не стесняясь откровения, кивает кучерявой головой парень.

– Да ты что!?

– А вот тебе и что!

– Ну и как теперь...

– Не знаю... Ну вот не знаю! – и загорелое лицо парня светится изнутри грустноватым возвышенным светом.

И вот теперь, среди русских снегов, в теплой городской квартире, вглядываюсь в карточку, подаренную на память Андреем, и спрашиваю себя: зачем эта женщина пришла в твою память? И не такая уж она и красавица, судя по любительскому снимку. Да, встречались ярче и блистательней на индийских перекрестках – раджкапуровские звезды из белолицых и высших каст. Но не было таких вот глаз, такого пристального, горделивого и понимающего взгляда. Даже имени её не знаю, но представить хочу – индийская деревня, жара, пальмы со звенящими кокосовыми плодами, она – прямая и статная, не идет, а проходит, как царица, неся на мягком плече кувшин с родниковой водой, или хлопочет у очага, или обихаживает детишек, или...

Не знаю, не знаю.

Зачем я думаю о ней? А впрочем, не такая уж тут сложная философия: среди распада и жизненных печалей, закравшегося в душу неверия в справедливое устройство мира, вдруг пронзительно и остро возникает потребность в красоте, может быть, и придуманной тобой, но пронзившей однажды душу теплым светом, как наша августовская зарница.

Ничего не случилось тогда в Кочине. Не было продолжения. Просто был горячий жаркий денек, был Кочин-порт, судовой электрик Андрюха Голяник, внезапно воспылавший любовью к чужой индийской женщине. Были её глаза, все понимающий взгляд.

И мне хорошо сейчас от этого взгляда и легче.

Индия – Кочин, Тюмень.
1986 г.

Валентина Тархова

АХ, ТУМАНЫ ВЫ МОИ, РАСТУМАНЫ...

....В Сан-Франциско, в конце 1984 года, я делала последние попытки найти себе жениха, партнера, друга. Ходила по всяким клубам, коктейлям, семинарам и курсам, платным и бесплатным. Например, журналистов, ищущих работу. Желающих выступать, говорить перед публикой или людей, надеющихся пользоваться компьютерами, для установления связей по разным показателям. Даже записалась в муниципальный колледж, учить счетоводство и как пользоваться счетной машинкой (в магазине). Но всюду терпела неудачу. Напряженность отношений, даже в самых «легкомысленных» собраниях, общая настороженность (у всех на уме одно: что я могу получить от другого? что другой хочет от меня?) не поощряли искренность, непринужденность, доверие, симпатию или желание повторной встречи.

Даже если и находились впечатляющие мужчины, выхоленные, одетые с иголочки, занимающие хорошо оплачиваемые ответственные работы и уверенные в своих качествах, то ничего у меня не получалось. К этому времени я вполне осознала, что я серая, вялая, застенчивая, с фигурой и лицом оставляющими желать лучшего, профессионально атрофировавшаяся и, в тот момент, безработная в придачу. Такие мужчины на мне глаз не остановят, хорошо, если будут просто вежливыми. А искать они будут молодых, высоких, стройных, модных, здоровых, накрашенных, энергичных, нахрапистых девиц, способных постоять за себя, на хороших, современных работах, которым палец в рот не клади. Плюс национальность не подходила: евреи, азиаты, латинцы, черные. Белых не евреев почти не встречалось.

Среди прочих мер, написала я в журнал объявлений ищущих пару. Стали приходить ответы. Тут я обнаружила, насколько осторожно надо с ними обращаться. С некоторыми, прямо по телефону, выясняешь, что друг другу не подходим. Один тип стал писать каждый день, что ему необходима женщина, что он сопьется от одиночества. Посоветовала ему обратиться к психиатру. Другой прислал порнографическое письмо; ему не ответила. Ещё с одним, представлявшим себя в объявлении как веселого ирландца, даже встретилась – оказалось старый толстяк, страдавший от депрессии, несколько раз резавший себе вены, которому нужна была бесплатная нянька-медсестра-любовница. Пидстракуватый чешский еврей, хозяин ресторана, с места в карьер предложил поехать на субботу на озеро Тахо (Tahoe, за 4 часа езды) и страшно разозлился, когда я отказалась, и он даром потратил свои кровные деньги на ужин.

Один англичанин (или еврей, не знаю), молодой изобретатель, оказался интересным собеседником, но жил в другом городе – не повстречаешься каждый день. И вдруг, о чудо, русский, с техническим образованием! Созвонилась и договорились встретиться в ресторане «Возрождение». Я, правда, страшно опоздала, потому, что полчаса искала место для машины и, отчаявшись, отвезла её домой, а в ресторан пошла пешком.

В небольшом помещении, украшенном русскими куклами и картинами русских плясок, на частично расписанных стенах, за баром сидел и что-то пил довольно благообразный мужчина, худой, невесть как одетый, одного со мной роста и, как оказалось, мой однолетка. Он оживленно разговаривал с хозяином, Борисом Вертлугиным (из харбинцев, с еврейской примесью) и кем-то ещё, из обслуживающих. Я обратила внимание, что Вертлугин не очень доброжелательно относится к своему посетителю. Я заказала себе сок, без спиртного, и начался неловкий разговор-расспрос с новым знакомым, которого звали Филиппом. Обстановку облегчали обслуживающие Алексей и Нина, вмешавшиеся в беседу.

– А как вы уехали из России? Давно ли? (Это было важно, так как по году выезда, легче было установить действительную национальность)

– Та уже шесть лет, сбег с парохода.

– По какому рейсу вы плавали? Или то был военный корабль?

– Та не, торговый. Успел побывать во всех странах Южной Америки – то там, Перу, Аргентина, Бразилия, был и в Африке, в Индии, Австралии, Норвегии, Франции....

Такой список меня несколько озадачил, показался слегка преувеличенным.

– Кем же вы здесь работаете, как устроились? По специальности, нет? Обзавелись домом, машиной?

– Та машина есть, вон на улице бывший «Паккард» стоит (через стену ничего не было видно). Ну, а живу в порту, прямо на доках, около дежурной, там хозяин мастерской дал мне комнату. Так намного дешевле, а мне хватает, на пароходе я привык, и хлопот меньше.

«Да ты, похоже, совсем не техник, а чернорабочий... Чего же ты брешешь? Или хочется чем-то пощеголять, хоть для самоподбадривания?» – зашевелилось в моих мозгах.

– Извините, нескромный вопрос – вы женаты?

– В России осталась жена с дочкой, а тут никак не приспособлюсь. Одна... женщина только и смотрела, когда мне получку дают и все забирала себе под разными предлогами. Бросил её, а то обидно на другого работать. Другая истеричная была, всё кричала, плакала, да и пила много. Тоже бросил, а то из-за неё и сам сопьёшься. Я, конечно, не враг рюмочку опрокинуть, но всё же в алкоголики не хочу.

– Да, тут много пьют, почти столько же как и в России, только в другом стиле, что ли.

– Мне бы вот такую как вы, чтобы держать меня на ровной дорожке. А пока давайте закажем ужин, думаю вы проголодались.

– Ну так, не очень – сказала я осторожно, зная что в «Возрождении» драли по средневековому, без особых зазрений ни христианской, ни еврейской совести, а финансовое положение моего экс-моряка и экс-техника было мне неизвестно.

– Тогда мы закажем порцию пельменей и две тарелки.

– Хорошо, как хотите.

Про себя же я подумала, что у этого героя с деньгами не густо, или он ещё больший скряга, чем я.

Принесли мисочку пельменей, которую любой одолел бы без труда в одиночку; нам же её поделили. Я опять заметила неодобрительный взгляд Вертлугина.

– Знаете, я ищу женщину без проблем. А то с одной я дружил, хорошая такая была, но образованная, всё читает и читает. К чему мне это? И всё хотела по закону, все настаивала жениться. Я от неё избавился тоже, а то обязательства на себя возьмешь, а она этим воспользуется и тоже начнет выколачивать из меня все заработки.

Тут мои шарики заработали быстрее – «Эге, да у тебя комплекс неполноценности из-за отсутствия образования и хоть ты и петушишься, а тебе не по себе, когда женщина тебя переплюнула. Ты, похоже, неплохой парень, но над тобой придется много поработать, заставить кончить какие-нибудь курсы, найти более сложную и лучше оплачиваемую работу, от водки отучать...». Вслух я, конечно, не высказала ему свою воспитательную программу, а постаралась сгладить «грехи» неудавшейся соперницы.

– Ну, а как же. Её тоже можно понять. Хотела какую-то гарантию, обеспеченность, уверенность в завтрашнем дне. Ведь, согласитесь, убирать, стирать и варить человеку так, за одни красивые глаза, не интересно и не всякий согласится. А вдруг вы найдете другую, уйдете, а эта останется ни с чем, и все её труды пропадут даром?

– Так-то оно так, но что я с ней буду делать? Читает всё и читает и всё пытается меня заставить. А к чему это? На что мне? Да и дом она порывалась купить, а это его потом плати и плати, а если потом развод, так она его себе приберёт и плакали мои денежки. Нет, мне нужно женщину без таких требований, чтобы с ней жить, попросту.

– Ну, не знаю.... – промычала я, чтобы что-то сказать.

– Знаете такую песенку «Ах туманы вы мои, растуманы»? Я её очень любил, это как в Ленинграде, часто туманы.

– Слышала, что такая есть, но знать целиком не знаю. Уже довольно поздно, думаю, стоит идти.

Разговор не вязался, не о чём было говорить. Допрашивать о подробностях его жизни – значило всё больше раскрывать дутость, пустоту его бытия. Рассказывать о себе, значило вызывать у него зависть, чувство неполноценности, чувство провала. До общих, отвлеченных тем он не дорос, не хватало образования. А весело трепаться о чепухе не получалось у меня, слишком я была застенчива и натянута с незнакомым человеком.

Он расплатился, и мы пошли. Я думала, что поедем на его белом «Паккарде», так как по Сан-Франциско ночью ходить не советуют, но он сказал, что тут недалеко, можно пройти. У меня закралось подозрение, что машины у него так же нет, как и того технического образования, с которого он начал своё объявление в газете. Ничего не поделаешь, реклама есть реклама.

Моросило. Через капли дождя мерцали огни бульвара Гери.

– Погода совсем как в Ленинграде... «Ах, туманы вы мои, растуманы», – повторил бедный Филипп, не зная, что сказать.

– Да, туман... – поддержала я.

В уме же я прикидывала другое. Через две недели намечен мой отъезд обратно в Каракас. Полтора года в Сан-Франциско не дали никакого результата (кроме депрессии), а в Венесуэле я всё-таки добьюсь повышения в послы. Должны же признать мои заслуги по напечатанию книги о границах (как я глубоко ошибалась, хотя хорошо знала свое Министерство! Когда я этого добилась, через 2,5 года, после многих унижений, то совсем не за издание книг, а по знакомству с очередным министром). Если бы ты мне раньше встретился, я бы попыталась тебя обтесать. С тобой нужно долго возиться и ещё неизвестно, что получится. Может ты и мне скажешь, что я много читаю и тебе это не годится. Вообще же ты похоже хочешь бесплатное обслуживание и никаких обязанностей. Ещё неизвестно, что о тебе говорят эти женщины.... Каких «мужчин» «производит» «социалистическое воспитание» в СССР!!! «Самое лучшее в мире!!!»

– В субботу будет вечер в Русском Центре, если хотите, можно пойти – неуверенно пригласил Филипп.

– Спасибо, но не знаю как у меня будет со временем, я готовлю все свои вещи к отъезду. Надо будет созвониться.

Мы подходили к дому. На углу, чтобы не показывать где я живу, я сказала, что отсюда уже дойду сама. Мы распрощались. Он похоже был не очень доволен моим ответом и выходкой. Я сознавала, что он прав, но осторожность брала верх.

– Ну, до свидания, тогда созвонимся. «Ах, туманы вы мои, растуманы».

Мне было его жалко. Видно по нему прокатилась война, может и ЧК кого из родственников прихватила, может он из раскулаченных или власть имущие причисляли его ещё к какой-то категории «врагов». Ведь это одно из главных



В восточном парке г. Каракаса

«достижений» «интернационалистов»: разделить народ на послушных «энтузиастов» и на подлежащих истреблению «врагов». Из-за этого он не доучился. Привык к поражениям, привык к тому, что хороших вещей ему в жизни не полагается, это для номенклатуры, социалистической или капиталистической. А отсюда и прибитость, пришибленность, слабость характера, чувство неполноценности, попытки петушиться, выдавать себя за что-то другое. То есть выдавать единоличную «туфту». Где и когда произошла Революция, а вот мы, внуки её переживших, до сих пор платим за её последствия; они сидят внутри нас, с нами переселяются из страны в страну. И как бы подсознательно мы находим один путь пресечения этой цепи: отказываясь от продолжения собственного рода. Сдавая свою «мужскость» и «женскость»! Отказываясь от своих мужских и женских качеств! От своей Природы!

Было бы больше времени, можно было бы попытаться подтянуть тебя, Филипп, хотя шансов на успех мало – а терять министерскую работу (от которой теперь зависело моё собственное выздоровление после всех сан-франциских разочарований) и посольский чин ради весьма сомнительного перевоспитания одного душевного калеки другой душевной калекой... Я сделала выбор: ехать бороться за посольское звание – и тем самым отказалась от мало вероятного сближения с одним из немногих русских, которые хоть в теории могли мне подойти...

Было горько. Все хотелось обвинить проклятую систему, покалечившую столько жизней. Но этим ничью жизнь не исправишь, ни в прошлом, ни в настоящем. А те, кто от системы получал пользу, продолжал пожинать её блага и поддерживать её. Мы же оказались бессильными перед ней, перед её злом.

«Ах туманы вы мои, растуманы...».

г. Каракас – Венесуэла

Валентина Михайловна Тархова живет в Каракасе (Венесуэла). Она автор многих книг на экономические и политические темы (на испанском, английском языках). На русском языке издала в Москве ряд книг современных сказок (печатались под псевдонимом). Валентина Тархова неоднократно публиковалась и в «Тюмени литературной». А в настоящее время в издательстве «Российский писатель» готовится к выходу в свет её книга о людях русской эмиграции в странах Южной Америки.

Публикуя несколько страничек из этой книги – «В краю вечной весны», желаем активному деятелю русской колонии в Венесуэле, писательнице и дипломату В. М. Тарховой творческих успехов, благополучия, крепкого здоровья.

Гл. редактор «ТЛ» Николай Денисов

ПОЧЕМУ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО НЕЭФФЕКТИВНО: НОВЫЙ КУРС ИЛИ ПУТЬ «НА ДНО»?

Александр ОДИНЦОВ,
независимый экономист

«Судьба обошлась с Россией безжалостно, ее корабль затонул, когда до гавани оставалось не более полумили». ***(Речь о 1917 г.)***

Уинстон Черчилль

«Чтобы избежать катастрофы, необходимо было изменить принцип управления страной, призвав к власти тех, кто пользовался доверием людей... Как это ни страшно, но правительство… подготовляет революцию… употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных…».

Великий Князь Александр Михайлович, из обращения к Императору Николаю II (4.02.1917 г.)

Падение легитимности либеральной системы

Народ поддерживает внешний курс президента и его патриотическую риторику, но он недоволен экономическим курсом**.** По данным индикаторов одобрения органов власти Левада-центра, кривая с вопросом «идем ли мы в правильном направлении» за последние семь месяцев рухнула вниз: с июля 2015 по январь 2016 число ответов «да» упало с 60% до 45%; число ответов «да» на вопрос «идем ли в тупик» за тот же период выросло с 22 до 34% (!). Темпы прироста – 47% за 7 месяцев, при таком тренде к августу 2016 г. число негативных отзывов может составить до 50% (!).

Не одобряющих деятельность Правительства, за тот же период выросло с 37 до 48%, деятельность Думы – с 44 % до 57%; не одобряющих политику президента – с 10 до 18%. Похоже, «патриотический» подъем уже не компенсирует внутренний кризис: дым развеялся. Такие процессы наблюдались в Царской России, когда систему не поддержал не только народ, но большая часть интеллигенции, значительная часть генералитета, элит, и даже часть духовенства и членов императорской фамилии. В итоге часть элит предала Николая II**.**

Все большее число граждан начинает испытывать ностальгию по СССР**.** По данным опроса Левада-центра, за плановую экономику высказались 52% опрошенных, а за экономическую модель на основе частной собственности и рыночных отношений – 26%. Растут антизападные и антиевропейские настроения – 59% считает, что мы не «европейская страна». Реальная база электората КПРФ намного выше ЕР, несмотря на «официальные опросы» Левада-центра и ФОМ**.** По текущим данным сайта **Накануне.RU** по виртуальным выборам в Думу – ЕР набирает около 7%, КПРФ – 47**%.** Итак, «низы не хотят», и их взгляд на будущее страны явно противоречит планам элит по дальнейшей «либерализации» и «приватизации». Общество имеет кардинальный запрос на «Новый Курс»**.**

Следующие выборы в Думу в сентябре 2016 г. станут непреодолимым препятствием для нынешней системы. «Волшебство» может не помочь. Стоит вспомнить про «болотные» брожения 2011-2012 гг. Дальше может быть повторение выборов 1996 г., которые Б.Н. Ельцин по живущей легенде все-таки на самом деле проиграл. Да и выборы в Думу 2011 г., как показывают математические результаты обработки, были также проиграны**.** Отказ от смены курса может привести к социальному взрыву и краху системы.

Люди устали ждать, ничего не меняется, но становится хуже**.** В январе 2016 г. реальные доходы граждан упали на 6,3% год к году. За 2015 г. число бедняков выросло, примерно, на 3 млн. человек. Хотя формально спад экономики пока замедлился, но «бомба» еще впереди – ситуация в регионах крайне тяжелая, часть предприятий закрывается, часть сотрудников идет в принудительный отпуск: повышается скрытая и явная безработица. Согласно опросам ФСО, около 60% жителей моногородов оценивают свое положение как «нетерпимое» или «терпимое с трудом». В 2015 г. зарегистрировано рекордное количество протестов – 409 (!), что на 40% больше, чем в 2014 г. За 2015 г. задолженность по зарплате выросла на 73%, долг на 1 февраля 2016 – 4, 332 млрд. руб., увеличение за январь – 21% – 706 млн. руб. (!).

Прикрываясь патриотическим подъёмом, элиты пытаются законсервировать либеральную систему, несмотря на ее «клиническую смерть», вновь оживляя лозунги гайдаровской эпохи. Недавний призыв со стороны Н. Михалкова о признании деятельности М. Горбачева и Б. Ельцина преступной является попыткой осмыслить наше нынешнее положение. Экономическая часть политики и состав элит и управленцев со времен эпохи Б. Ельцина принципиально не поменялся. Чтобы выйти из кризиса, надо признать, что проводимый ныне курс ошибочен и начать Новый Курс, как это сделал Ф.Д. Рузвельт. Без этого никакой прогресс невозможен.

Кроме многих десятков экономистов и политиков, которые взывают к президенту об смене курса, есть две значимые фигуры: его советник, академик С.Ю. Глазьев, который давно говорит о гибельности либерализма, и даже ставший вдруг «благоразумным мужем» Олег Дерипаска**,** взывающий: **«Нужно строить новую экономику!».** Если даже предприниматель-олигарх критикует нынешнюю политику и курс Банка России, то значит, чаша переполнена.

Так почему Российское государство ведет себя, как в басне И. Крылова «Лебедь, рак и щука»?

Невозможность реформ

Никакие реформы сейчас невозможны, любые позитивные действия противоречат способу существования и «кормления» элиты, которые доят страну вместе с западными «инвесторами» и международной финансовой мафией, исполняя роль «раковой опухоли»**.** Эмиссия рубля несовместима с либеральной валютной системой, а она необходима элитам для вывоза капитала; бюджетная дисциплина, контроль и ответственность несовместимы с казнокрадством, развитие национального предпринимательского класса – угроза потери власти паразитического класса. У нас нет никакого капитализма, никакой рыночной экономики: с 1992 г. за 24 года ее можно было с нуля построить три раза. Рузвельту потребовалось 7 лет, чтобы полностью изменить лицо США. Созданный экономический урод – не результат ошибок или некомпетентности, а закономерный результат сознательной политики. Как говорил Ф.Д. Рузвельт: ***«В политике ничего не происходит случайно. Если что-то случилось, то так было задумано».***

Ситуация во многом копирует как предреволюционный кризис царского режима, так и предкризисную эпоху СССР. Из обеих исторических систем взято худшее**.**

Основные риски для государства

1) Ухудшение ситуации на фоне дальнейшего падения мировой экономики (см. реплику Дж. Сороса о возможности банкротства России к 2017 г.);

2) выборы осени 2016 г. на фоне ухудшения экономических показателей;

3) рост протестных настроений, резкое падение рейтинга президента;

4) втягивание в войну в Сирии или на Украине;

5) социальный взрыв (см. прогнозы Stratfor о распаде России в течение 10 лет).

С вероятностью 99% мы будем барахтаться на грани возможного. Опомнятся ли элиты? Ответ: в целом – нет**.**

* * *

Позиция наших элит и чиновников выглядит абсолютно непоколебимой, они открыто игнорируют сигналы снизу и сверху. Элиты не видят или не хотят видеть знамений времени. Будет ли народ терпеливо и молчаливо смотреть на либеральную вакханалию, которая занимается самоубийством русской империи?

С начала 2000-х Россия живет ожиданиями, доверяя президенту. Нельзя быть неблагодарными. Но нам постоянно в будущем наклонении обещают что-то изменить, блогеры кидают слухи, создают образ действия, либо называют черное белым: но все это пустое: реальная картина застыла. Что делать, если госаппарат фактически блокирует поручения президента? А он публично исповедует явную лояльность к своему окружению. Демократия в смысле гуманности – это прекрасно, но не превращает ли это наше государство в бессмысленное желе?

Система прячется за президента, используя его авторитет, как за ширму. Блогеры пишут о пятой колонне и расколе элит. Как сказал пресс-секретарь Д.Песков: «*Путин — либерал не на словах, а на деле: и в экономике, и в иных сферах*».

Построив систему вертикали, президент стал ее заложником, потому что в ней нет конкуренции, сменяемости, эффективности и вообще никакой ответственности. Методы эффективного управления крайне просты: постановка задачи, спрос, мотивация, принуждение и подтверждение прав управленца или его замена. Этого у нас нет вообще.

Такое было в Царской России: Николай II как ни пытался, но не смог изменить механизмы системы управления. Ставили своих, преданных, но не тех. Накануне катастрофы министров меняли пачками, но ничего не менялось. Императоры Александр I и Николай I также были заложниками системы, понимая необходимость отмены крепостного права, но не могли это сделать. Они помнили участь своего отца императора Павла, пытавшегося наступить на хвост элит, и несмотря на ошибочность ряда реформ, вводившего много полезного: например, налоги на дворянство, обязательную службу и пр.

Попытка консервации нынешнего экономического порядка несет для системы гораздо больший риск: риск ее краха, полной потери для нынешних элит всех их привилегий и лакомых кусков. Такое случилось не в феврале, а октябре 1917 г., элиты потеряли все: имущество, положение, кто-то жизнь, а кто-то Родину.

Главный исторический вывод: ключ к успеху государственного управления лежит в мотивации элит и умении руководителей наставить их на путь служения государству и народу. Но это дается только особо одаренным, легендарным государственным деятелям, память о которых невозможно стереть в истории (например, Петр I, И. Сталин, Ф.Д. Рузвельт).

Системные противоречия и управленческий кризис

С 2008 г. мы не вышли на нормальный рост, так же было до 1998 г. Не выйдя из первого кризиса – попали во второй. Президент из года в год поднимает одни и те же проблемы, но кардинально ничего не меняется. Противоречия нарастают: Минфин отказывался финансировать часть антикризисного плана.

Автору не хочется никого осуждать: но слова наших руководителей явно расходятся с делом, хотя нас постоянно убеждают в обратном. Картинка с телевизора и быт крупных городов совершенно разные: это брошенная, ветшающая и никому не нужная региональная Россия. В Царской России тоже придумывали «потемкинские деревни». Кто-то восхищается, как хорошо было жить в то время, но посмотрите на многочисленные фото крестьянской России того времени.

За редким исключением (есть регионы, где экономика, сельское хозяйство и даже промышленность постоянно растут (!)) некомпетентность и жадность местного чиновничества делает любую экономическую деятельность в нашей стране практически невозможной. Регионы лежат в руинах, но не делается почти ничего. Вложить капиталы в разрушенные регионы боятся даже капитаны нашего бизнеса, предпочитая выводить их за границу.

В России вновь построена паразитическая «раздаточная, полуфеодальная экономика». Этот тип, к сожалению, исторически, «генетически», доминировал в худшие периоды развития страны, являясь отражением отношений крепостного права**.** Элиты дают обет верности, в ответ они получают вотчины для «кормления». Когда-то это были поместья, сейчас нефтяные компании, губернии, крупные статьи бюджета. Некоторые отрасли, например, космическая, просто купается в деньгах: но спутники падают, а Космодром не построен.

* * *

Встречаясь 3 февраля 2016 г. с Клубом лидеров малого и среднего бизнеса, В.Путин сказал: «*…бизнес, и чиновники, и вообще все граждане работают для того, чтобы страна становилась сильнее… если так будет, каждый гражданин будет жить лучше …это и есть лучше …это и есть национальная идея*». А что делать, если не работают, если цели у них абсолютно другие, личные? Кто же должен заставить их работать как должно; как хочет и Президент, и Народ? Новый диктатор, если «по-доброму» не получается?

Власть живет не для народа, а для себя и ее главная цель – сама власть. Ее заботит только рейтинг и вопросы: как долго продлится молчаливое терпение народа. И популярная в последнее время тема: возможна ли в России революция?

И кто сейчас скажет нашим элитам: *«Все – стоп, хватит! Отечество в опасности! Мы перестаем набивать карманы и начинаем работать на Россию! Иначе бесславный конец!»*

Главная причина кризиса – нравственная

Государство должно стоять на том, что все в нем служат другу другу. Это рождает синергию и симбиоз, «симфонию», движение созидания и развития. Когда чиновники начинают искать в своей роли личные, а не общественные интересы, синергия разрушается и заменяется на паразитирование, за ним идет подавление всех сигналов «обратной связи» с целью полностью законсервировать систему. Для русского народа, который всегда искал справедливости – это критично.

Обратите внимание, как жестко, четко и последовательно система решает вопросы с переделом собственности: передел нефтяной собственности, устранение неугодных предпринимателей, нынешний бескомпромиссный снос помещений (частью нормальных), стойкость против протестов дальнобойщиков, как быстро решаются вопросы с новой приватизацией – но не делается ничего, чтобы улучшить состояние экономики. Мы по-прежнему в состоянии 96–97 гг.

Процессы как нравственного, так и управленческого кризиса ярчайшим образом видны на примере строительства Космодрома, как чисто государственного проекта, и разворованного ВнешпромБанка, клиентами которого были крупные государственные компании. Свои разворовали у своих (!) А чего стоит банковская система со ставками 25%, чье состояние характеризуют постоянные банковские похороны и скандальные банкротства с выводом активов? Это следствие отсутствия как нравственности у правящего слоя, так и Закона у государства. Государство – ночной сторож, «кооператив» по обогащению. Ведь если главное – не работа, а кормление, разве может быть иначе? Несмотря на публичность, проблемы продолжаются. Разве могло быть такое при Петре I или И.Сталине?

Сравните советских инженеров и их руководителей, которые работали на Великие идеи за заработную плату и спецпайки, и наших нынешних «эффективных менеджеров», качающих деньги из «рога изобилия».

Выводы

Чтобы не повторить участь СССР и Царской России, нам нужно срочно менять экономическую модель, беря из нее лучшее, что было в **этих обеих системах.** Страну может спасти только восстановление промышленности и импортозамещение на базе эмиссии рубля, рост экспорта технологичной продукции; продажа сырья поддержать экономику уже не сможет. Россия ждет Нового Курса – и чем раньше мы к нему придем, тем больше шансов превратить возможность катастрофы в русское экономическое чудо.

Наш президент пока еще может провести любые реформы, опираясь не на олигархов и чиновников, а на народ. Кадровый резерв огромен. Но времени для этого остается не более трех-пяти месяцев. Потом может быть поздно.

Вспомним великие слова Императора-Освободителя Александра II: *«Лучше отменить его [крепостное право] сверху, чем ждать, когда его отменят снизу».*



ЧТО ПРИКРЫЛИ татаро-монгольским игом?

Существует большое количество фактов, которые не только опровергают гипотезу о татаро-монгольском иге, но и говорят о том, что история была искажена преднамеренно, и, что делалось это с вполне определённой целью… Но кто и зачем умышленно исказил историю? Какие реальные события хотели скрыть и почему? Если проанализировать исторические факты, становится очевидно, что «татаро-монгольское иго» было придумано для того, чтобы скрыть последствия от «крещения» Киевской Руси. Ведь эта религия «пришла» на Русь далеко не мирным способом… В процессе «крещения» была уничтожена большая часть населения Киевского княжества! Однозначно становится понятно, что те силы, которые стояли за навязыванием этой религии, в дальнейшем и сфабриковали историю, подтасовывая исторические факты под себя и свои цели... Данные факты известны историкам и не являются секретными, они общедоступны, и каждый желающий без проблем может найти их в Интернете. Опуская научные изыскания и обоснования, кои описаны достаточно широко, подытожим основные факты, которые опровергают ложь о «татаро-монгольском иге».

1. Чингисхан

Раньше на Руси за управление государством отвечали 2 человека: Князь и «военный князь». Князь брал бразды управления на себя во время войны, в мирное время на нем лежала ответственность за формирование орды (армии) и поддержание её в боевой готовности.

Чингис Хан – это не имя, а титул «военного князя», который, в современном мире, близок к должности Главнокомандующего армией. И людей, которые носили такой титул, было несколько. Самым выдающимся из них был Тимур, именно о нём обычно и идёт речь, когда говорят о Чингис Хане. В сохранившихся исторических документах этот человек описан, как воин высокого роста, с синими глазами, очень белой кожей, мощной рыжеватой шевелюрой и густой бородой. Что явно не соответствует приметам представителя монголоидной расы, но полностью подходит под описание славянской внешности (Л.Н. Гумилёв – «Древняя Русь и Великая степь».).

В современной «Монголии» нет ни одной народной былины, в которой бы говорилось, что эта страна когда-то в древности покорила почти всю Евразию, ровно, как и нет ничего и о великом завоевателе Чингис Хане… (Н.В. Левашов «Зримый и незримый геноцид»).

2. Монголия

Государство Монголия появилось только в 30-х годах 20-го века, когда к кочевникам, проживающим в пустыне Гоби, приехали большевики и сообщили им, что они – потомки великих монголов, и их «соотечественник» создал в своё время Великую Империю, чему они очень удивились и обрадовались. Слово «Могол» имеет греческое происхождение, и означает «Великий». Этим словом греки называли наших предков – славян. Никакого отношение к названию какого-либо народа оно не имеет (Н.В. Левашов «Зримый и незримый геноцид»).

3. Состав армии «татаро-монголов»

70–80% армии «татаро-монголов» составляли русские, остальные 20–30% приходились на другие малые народы Руси, собственно, как и сейчас. Этот факт наглядно подтверждает фрагмент иконы Сергия Радонежского «Куликовская битва». На нём чётко видно, что с обеих сторон воюют одинаковые воины. И это сражение больше похоже на гражданскую войну, чем на войну с иностранным завоевателем.

4. Как выглядели «татаро-монголы»?

Обратите внимание на рисунок гробницы Генриха II Набожного, который был убит на Легницком поле. Надпись следующая: «Фигура татарина под ногами Генриха II, герцога Силезии, Кракова и Польши, помещённая на могиле в Бреслау этого князя, убитого в битве с татарами при Лигнице 9 апреля 1241 г.» Как мы видим у этого «татарина» совершенно русская внешность, одежда и оружие. На следующем изображении – «ханский дворец в столице монгольской империи Ханбалыке» (считается, что Ханбалык – это якобы и есть Пекин). Что здесь «монгольского» и что – «китайского»? Вновь, как и в случае с гробницей Генриха II, перед нами – люди явно славянского облика. Русские кафтаны, стрелецкие колпаки, те же окладистые бороды, те же характерные лезвия сабель под названием «елмань». Крыша слева – практически точная копия крыш старорусских теремов…(А. Бушков, «Россия, которой не было»).

5. Генетическая экспертиза

По последним данным, полученным в результате генетических исследований, оказалось, что татары и русские имеют очень близкую генетику. Тогда как отличия генетики русских и татар от генетики монголов – колоссальны: «Отличия русского генофонда (почти полностью европейского) от монгольского (почти полностью центрально-азиатского) действительно велики – это как бы два разных мира…» (oagb.ru).

6. Документы в период татаро-монгольского ига

За период существования татаро-монгольского ига не сохранилось ни одного документа на татарском или монгольском языке. Но зато есть множество документов этого времени на русском языке.

7. Отсутствие объективных доказательств, подтверждающих гипотезу о татаро-монгольском иге

На данный момент нет оригиналов каких-либо исторических документов, которые бы объективно доказывали, что было татаро-монгольское иго. Но зато есть множество подделок, призванных убедить нас в существовании выдумки под названием «татаро-монгольское иго». Вот одна из таких подделок. Этот текст называется «Слово о погибели русской земли» и в каждой публикации объявляется «отрывком из не дошедшего до нас в целости поэтического произведения… О татаро-монгольском нашествии»:

«О, светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами божьими и князьями грозными, боярами честными и вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о православная вера христианская!..»

В этом тексте нет даже намёка на «татаро-монгольское иго». Но зато в этом «древнем» документе присутствует такая строчка: *«Всем ты преисполнена, земля Русская, о православная вера христианская!»*

До церковной реформы Никона, которая была проведена в середине 17 века, христианство на Руси называлось «праворверным». Православным оно стало называться только после этой реформы... Стало быть, этот документ мог быть написан не ранее середины 17 века и никакого отношения к эпохе «татаро-монгольского ига» не имеет...

На всех картах, которые были изданы до 1772 года и в дальнейшем не исправлялись, можно увидеть следующую картину. Западная часть Руси называется Московия, или Московская Тартария… В этой маленькой части Руси правила династия Романовых. Московский царь до конца 18 века назывался пра-

вителем Московской Тартарии или герцогом (князем) Московским. Остальная часть Руси, занимавшая практически весь материк Евразия на востоке и юге от Московии того времени называется Тартария или Русская Империя.

В 1-м издании Британской энциклопедии 1771 года об этой части Руси написано следующее: **«Тартария, громадная страна в северной части Азии, граничащая с Сибирью на севере и западе: которая называется Великая Тартария. Те Тартары, живущие южнее Московии и Сибири, называются Астраханскими, Черкасскими и Дагестанскими, живущие на северо-западе от Каспийского моря, называются Калмыкскими Тартарами и которые занимают территорию между Сибирью и Каспийским морем; Узбекскими Тартарами и Монголами, которые обитают севернее Персии и Индии и, наконец, Тибетскими, живущие на северо-запад от Китая…» (см. сайт «Пища РА»)…**

Откуда пошло название Тартария

Наши предки знали законы природы и реальное устройство мира, жизни человека. Но, как и сейчас, уровень развития каждого человека не был одинаковым и в те времена. Людей, которые в своём развитии ушли значительно дальше других, и которые могли управлять пространством и материей (управлять погодой, исцелять болезни, видеть будущее и т.д.), называли Волхвами. Тех из Волхвов, кто умел управлять пространством на планетарном уровне и выше, называли Богами. То есть, значение слова Бог, у наших предков было совсем не таким, каким оно является сейчас. Богами были люди, ушедшие в своём развитии намного дальше, чем подавляющее большинство людей. Для обычного человека их способности казались невероятными, тем не менее, боги тоже были людьми, и возможности каждого бога имели свой предел.

У наших предков были покровители – Бог Тарх, его ещё называли Даждьбог (дающий Бог) и его сестра – Богиня Тара. Эти Боги помогали людям в решении таких проблем, которые наши предки не могли решить самостоятельно. Так вот, боги Тарх и Тара обучали наших предков тому, как строить дома, возделывать землю, письменности и многому другому, что было необходимо для того, чтобы выжить после катастрофы и со временем восстановить цивилизацию. Поэтому, ещё совсем недавно наши предки говорили чужестранцам «Мы дети Тарха и Тары…». Говорили так, потому что в своём развитии, действительно были детьми по отношению к значительно ушедшим в развитии Тарху и Таре. И жители других стран называли наших предков «Тархтарами», а в дальнейшем, из-за сложности в произношении – «Тартарами». Отсюда и произошло название страны – Тартария…

Крещение Руси

Причём здесь крещение Руси? – могут спросить некоторые. Как оказалось, очень даже причём. Ведь крещение происходило далеко не мирным способом… До крещения, люди на Руси были образованными, практически все умели читать, писать, считать (см. статью «Русская культура старше европейской»). Вспомним из школьной программы по истории, хотя бы, те же «Берестяные грамоты» – письма, которые писали друг другу крестьяне на бересте из одной деревни в другую.

У наших предков было ведическое мировоззрение, как я уже писал выше, это не было религией. Так как суть любой религии сводится к слепому принятию каких-либо догм и правил, без глубокого понимания, почему нужно делать именно так, а не иначе. Ведическое мировоззрение же давало людям именно понимание реальных законов природы, понимание того, как устроен мир, что есть хорошо, а что – плохо. Люди видели, что происходило после «крещения» в соседних странах, когда под воздействием религии успешная, высокоразвитая страна с образованным населением, в считанные годы погружалась в невежество и хаос, где читать и писать умели уже только представители аристократии, и то далеко не все...

Все прекрасно понимали, что в себе несёт «Греческая религия», в которую собирался крестить Киевскую Русь князь Владимир Кровавый и те, кто стоял за ним. Поэтому никто из жителей тогдашнего Киевского княжества (провинции, отколовшейся от Великой Тартарии) не принимал эту религию. Но за Владимиром стояли большие силы, и они не собирались отступать.

В процессе «крещения» за 12 лет насильственной христианизации было уничтожено, за редким исключением, практически всё взрослое население Киевской Руси. Потому что навязать такое «учение» можно было только неразумным детям, которые, в силу своей молодости, ещё не могли понимать, что такая религия обращала их в рабов и в физическом, и духовном смысле этого слова. Всех же, кто отказывался принимать новую «веру» – убивали. Это подтверждают дошедшие до нас факты. Если до «крещения» на территории Киевской Руси было 300 городов и проживало 12 миллионов жителей, то после «крещения» осталось только 30 городов и 3 миллиона населения! 270 городов были разрушены! 9 миллионов людей было убито! (Дий Владимир, «Русь православная до принятия христианства и после»).

Но несмотря на то, что практически всё взрослое население Киевской Руси было уничтожено «святыми» крестителями, ведическая традиция не исчезла. На землях Киевской Руси установилось, так называемое, двоеверие. Большая часть населения чисто формально признавало навязанную религию рабов, а сама продолжала жить по ведической традиции, правда, не выставляя это напоказ. И это явление наблюдалось не только в народных массах, но и среди части правящей элиты. И такое положение вещей сохранялось вплоть до реформы патриарха Никона, который придумал, как можно всех обмануть.

Но ведическая Славяно-Арийская Империя (Великая Тартария) не могла спокойно смотреть на происки своих врагов, которые уничтожили три четверти населения Киевского Княжества. Только её ответные действия не могли быть мгновенными, в силу того, что армия Великой Тартарии была занята конфликтами на своих дальневосточных границах. Но эти ответные действия ведической империи были осуществлены и вошли в современную историю в искажённом виде, под названием монголо-татарского нашествия орд хана Батыя на Киевскую Русь.

Только к лету 1223 года на реке Калке появились войска Ведической Империи. И объединённое войско половцев и русских князей было полностью разбито. Так нам вбивали на уроках истории, и никто не мог объяснить толком, почему русские князья дрались с «врагами» так вяло, а многие из них переходили даже на сторону «монголов»? Причина такой несуразицы была в том, что русские князья, принявшие чуждую религию, прекрасно знали, кто и почему пришёл… Так вот, не было никакого монголо-татарского нашествия и ига, а было возвращение взбунтовавшихся провинций под крыло метрополии, восстановление целостности государства. У хана Батыя была задача возвратить под крыло ведической империи западноевропейские провинции-государства, и остановить нашествие христиан на Русь. Но сильное сопротивление некоторых князей, почувствовавших вкус ещё ограниченной, но очень большой власти княжеств Киевской Руси, и новые беспорядки на дальневосточной границе не позволили довести эти планы до завершения (Н.В. Левашов «Россия в кривых зеркалах», Том 2.).

Выводы

По сути, после крещения в Киевском княжестве в живых остались только дети и очень малая часть взрослого населения, которая приняла Греческую религию – 3 миллиона человек из 12-миллионного населения до крещения. Княжество было полностью разорено, большая часть городов, сёл и деревень разграблена и сожжена. Но ведь точно такую же картину рисуют нам авторы версии о «татаро-монгольском иге», отличие лишь в том, что эти же жестокие действия там проделывали якобы «татаро-монголы»!

Как было всегда, победитель пишет историю. И становится очевидным, что для того, чтобы скрыть всю жестокость, с которой было крещено Киевское княжество, и с целью пресечь все возможные вопросы, и было впоследствии придумано «татаро-монгольское иго». Детей воспитали в традициях Греческой религии (культ Дионисия, а в дальнейшем – Христианство) и переписали историю, где всю жестокость свалили на «диких кочевников»…

Игорь Тищенков



Сергей Ерёмин

«Здесь отчий дом, здесь родина моя...»

Читатели «Тюмени литературной» знают статьи, очерки и стихотворениями Сергея Анатольевича Еремина. Живет он в Викулово. Земляки уважают Сергея за его трудолюбие, патриотизм, за его искренние строки. А недавно Сергей Еремин отметил свое 60-летие со дня рождения. От всего сердца поздравляем нашего автора, желаем добра, здоровья, творческих успехов.

Редакция «ТЛ»

* * *

* * *

По деревенским улицам пройду,
Где всё роднит
и память сердца свята,
Здесь утешенье для себя найду,
И где живут всё также небогато.
Здесь отчий дом,
здесь родина моя.
Река из недр сочит слезою воды
И в общем та же – русская земля,
Собою отрицающая моды.
Здесь знают всех
и каждого в лицо
И если могут, чем-то и помогут,
А если кто не вышел на крыльцо,
Проводят в путь,
в последнюю дорогу.
Живи добром и стой в веках, село,
Переживи свалившиеся беды,
Не допусти хорошее на слом,
Об остальном само ты можешь
ведать.

Иду к тебе, родимое село!
Здесь греет всё в любви
к родной Отчизне.
В краю полей, лесов,
озёр живёт –
Село моё без зла и укоризны.

ДРУГОЕ ВРЕМЯ

Нашел «трояк» в спецовке,
Подумалось: «Вот жил:
Хватило б на столовку,
Ещё б и одолжил!»
Теперь другое время.
И «сотня» не в цене.
И тащим это бремя
По собственной вине.
А в телеке – реклама:
Стирает и жуёт,
И сытой мордой хама
На прошлое плюёт.
И крутится проворно
Кино – как больше красть,
Наркотики и порно,
Что держат эту власть.

МОЛЮ

В минуты заката молился
Мой прадед. А я вот стою:
Замкнулся, на всё ополчился
И грустные песни пою.
Усталое, гордое сердце,
Тебе одиноко в груди,
Угар атеизма, известно,
Тебя пропитал, отравил...
Не просто к тебе подступиться,
Порою ты камень и лед,
Молю, чтобы лед растопился.
И камень гордыни отлег...

Викуловский район

ПРОСТАЯ РАДОСТЬ *

«Как-то была с подружкой в магазине. В центре зала проходила викторина. Победителям в качестве призов полагались симпатичные мягкие игрушки. Удача улыбнулась нам, мы стали обладателями замечательного плюшевого котенка. Подходя к выходу, мы увидели нездорового мальчика с отцом и решили отдать выигранный приз ему. Мальчик сказал: «Спасибо». Его отец был тронут до слез. Оказывается, за последние несколько месяцев это было первое слово, произнесенное его ребенком».

«Возвращаясь домой, увидел на двери подъезда записку: «Дорогие соседи! Утром около 9.30 у входной двери были потеряны 120 рублей. Кто нашел, верните их, пожалуйста, в квартиру 74 Елизавете Ивановне. Пенсия 1540 рублей. Спасибо!» Достаю 120 рублей, поднимаюсь на этаж, звоню в 74 квартиру. Открывается дверь, я протягиваю деньги, а бабушка сразу начинает плакать и причитать. Когда успокоилась, рассказала: «Ходила за хлебом. Когда возвращалась, вынула, наверное, ключи из кармана у подъезда, деньги и обронила». Только брать деньги у меня отказалась. Я был шестой (!), кто «нашел бабушкину потерю». Люди, вы замечательные, я люблю вас!»

«Я лежала с ангиной в кровати и не могла встать. Моя собака Кира неотступно дежурила у кровати и смотрела на меня с преданностью и беспокойством. Вдруг она ушла и вернулась с большой вонючей костью, видимо, хранила её где-то тайком на черный день. Кира положила эту кость ко мне на подушку и начала подталкивать ко мне носом: «На, погрызи!»

«Однажды в супермаркете ко мне подошла маленькая девочка и попросила взять её на ручки. Я удивилась, но подняла малышку на руки. Я подумала, что она потерялась. Но она спокойно обняла меня за шею и посмотрела мне в глаза. Я смотрела на неё в недоумении, а девочка сказала: «Ты была такая грустная, мне хотелось, чтобы ты улыбнулась!»

«Работаю в точке быстрого питания. Вчера мужчина протянул деньги и попросил: «За мной стоит незнакомая девушка, но я хотел бы оплатить её кофе. Будьте добры, передайте ей «Удачного дня!» Девушка удивилась, а потом сделала то же самое для того, кто стоял в очереди за ней. В то утро хорошие пожелания я передала аж шесть раз подряд!»

Записал Е. Владимиров